

НАДЕЖДА МАМАЕВА



ЧЕРНАЯ ВЕДЬМА
В АКАДЕМИИ ДРАКОНОВ

Светлые и тёмные

Надежда Мамаева

**Черная ведьма в
Академии драконов**

«Автор»

2019

Мамаева Н. Н.

Черная ведьма в Академии драконов / Н. Н. Мамаева — «Автор», 2019 — (Светлые и тёмные)

Чёрная ведьма способна выкрутиться из любой неприятности. Другой вопрос: как она в неё вообще попадает? Проклинает дочь мрака исключительно по велению души и вдохновению. К тому же она коварна, мстительна, злопамятна и обладает еще целым рядом достоинств» — цитата из пособия для чернокнижников. «Главное правило светлой академии: ни один чернокнижник, тёмный маг, а тем паче колдунья не переступят порога сего почтенного заведения. А если это все же случится — то они сгорят на инквизиторском костре» — выдержка из устава Академии им. Кегу Золотое Крыло. Но если в тёмных землях на тебя открыли охоту и в спину дышит палач, то спрятаться в стенах академии светлых магов — не самая плохая идея. Чёрная ведьма Вивьен Блэквуд тоже так решила и просочилась в магистерию под личиной скромной, несимпатичной и почти бездарной адепки. И все бы ничего, но ехидный характер эликсиром не смоешь. Но если и перебежала дорогу самому сильному адепту боевого факультета, то его месть не заставит себя долго ждать. А уж если столкнулись светлый и тёмная — то это однозначно война. Книга выходит в авторской редакции с иллюстрациями.

© Мамаева Н. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Пролог | 5 |
| Глава 1 | 7 |
| Глава 2 | 20 |
| Глава 3 | 33 |
| Глава 4 | 42 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 51 |

Надежда Мамаева

Черная ведьма в Академии драконов

Пролог



Год 9927-й от пришествия драконов

– Ни один некромант, ни один маг тьмы и тем паче черная ведьма не переступят порог Пресветлой академии драконов! – Голос ректора, усиленный заклинанием, разнесся по залу, отразился от окон и стен, эхом прокатился до задних рядов.

Казалось, эти слова был призваны помимо воли слушателей доходить до их сознания, но... Порою даже заклинание десятого порядка бессильно. А все оттого, что добираться умным словам ректора было попросту не до чего. У иных присутствующих в зале адептов в черепной коробке было столько же дум, сколько ледников в жаркой песчаной эйгушской пустыне. Зато эти бравые студиозусы, не обремененные тяготами мыслительного процесса, были белыми магами. И пусть искра их дара едва теплилась. Зато белая. И точка.

После минувшего переворота темные чародеи были в опале. Две древнейшие расы – демоны и драконы – делили власть и рудники магического металла анария, но, как водится, в результате разделили мир на два лагеря. Увы, рогатые проиграли в сложной и запутанной подковерной игре, а вместе с ними и все их союзники. Не было выстрелов, битв, и мертвые тела не устилали поля сражений. Зато вдосталь – интриг, подлогов, дипломатических переговоров, а архимаги с обеих сторон продемонстрировали возможности новейших заклинаний. Так, ни на что не намекали, но испытания провели. Публичные и на бис.

Увы, светлые оказались теми еще черными и хищными душонками, хитрыми и охочими до новых земель. А главное – белых магов было гораздо больше. Как итог: эльфы, гномы, дри-

ады, драконы и светлые маги ныне смело делили территории, что ранее принадлежали темным, разрабатывали рудники.

Сумеречные маги посчитали за лучшее уйти за перевал. Не то чтобы они сильно впечатлялись мощью светлых, скорее, затаились. И в их земли путь заказан был любому, чья магия имела хоть проблеск светлого дара.

Простому люду до того, что пограничная вешка теперь переставлена на двенадцать полев стрелы южнее или западнее, дела не было. У крестьян, ремесленников и горожан имелись заботы: пахать и сеять, тачать и ткать, торговать. А налоги... Так всегда их платили. Не суть важно – темным князьям или светлым владетелям.

Но то простые смертные, обделенные даром. Они не правили, не делили трон или голоса сторонников, расчищая себе путь к власти. Простые люди и академий магических не строили, и тем более в них не учились. Они просто жили, радовались малому, печалились о проходящем.

– Эти стены – обитель высшего разума, света. И вы, спустя семь лет, выйдете отсюда не адептами, но магами. Борцами с нечистью. Времена, когда люди и нелюди чурались друг друга, прошли. Их стерла Великая эпоха перемен. И один из сильнейших драконов – Кейгу Золотое Крыло, основавший нашу академию, заповедовал: из стен сей обители знаний выйдут только достойные, те, кто не убоится сразиться со злом во имя добра.

Глава 1

Триста лет спустя

– У-у-у, чтоб тебя!

Я чудом не выпала из летающей общественной лодки, когда та лихо затормозила у посадочной площадки академии. Эта зачарованная посудина, битком набитая в ранний час пассажирами, следовала по традиционному маршруту: пригород – академия – ткацкие мануфактуры – улицы столицы. С утра, когда все спешили, в нее было не втиснуться. И хотя посадочных мест в лодке было всего три дюжины, а стоячих вроде как вообще не предусматривалось, но и пассажиры, и старый маг-кормщик, управлявший своей летающей развалюхой, на это правило плевали. На работу нужно было всем. А мне вот на учебу.

Зато сам проезд был дешев – одна медька. Так что я мирилась и мечтала о личной метле.

Вообще, идея зачаровывать для полета не только традиционные метлы пришла к магам не столь давно – всего полвека назад. И прижилась. Дешево, быстро, почти удобно, если не попадешь в давку.

Лодка остановилась, пассажиры незлобиво, скорее по привычке, матюгнулись, кормщик зычным басом возвестил:

– Воздушный причал Академии драконов. Выходим, не задерживаемся.

Я спрыгнула на каменную площадку. За мной – еще с десятков пассажиров: кухарки, дворники, гардеробщицы – в общем, прислуга, что работала в стенах академии.

Лодка качнулась, словно пытаясь зачерпнуть бортами немного небесного тумана, а потом тронулась в путь. Погода сегодня была не просто пасмурная – чернильная. Небо, затянутое низкими, разбухшими от дождя и оттого тяжелыми тучами, грозило вот-вот разродиться ливнем. Но пока держалось: копило гнев и влагу, чтобы опрокинуть на нас, суесящихся на земле букашек, сразу водопад.

Я поехала. Глянула вниз. Если решусь на самый быстрый вариант спуска – прыжок, то лететь мне добрую дюжину вздохов, а по приземлении от меня останется качественная отбивная. И почему только площадка так высоко?! Хотя последнее – вопрос риторический. Так удобнее магам-транспортникам: общественной лодке не нужно идти на снижение, чтобы высадить пассажиров. А последние – не сахарные, не растают, топя три сотни ступеней. И ладно поутру вниз, а вот в конце рабочего дня... Чтоб их Пресветлый побрал, этих оптимизаторов общественных маршрутов.

Как всякая истинная черная ведьма ругалась я исключительно именами из пантеона светлых богов. Правда, ныне приходилось это делать исключительно про себя.

Мягко говоря, наше темное племя в академии недолюбливали. Причем порою столь рьяно, что светлые чародеи аж полыхали праведным гневом, а заодно и кострами, если удавалось отловить какого черного мага. Убивать уже не убивали, правда, лет сто как, но испытывать на своей шкуре процесс копчения темных не хотелось. Сдается мне, что славные обладатели светлой искры дара с удовольствием бы продолжили веселый шабаш под названием «зажигаем с темными» (к слову, последние шли бы в качестве топлива), но сторонники демонов были слишком верткими, хитрыми, быстро драпающими, а потому трудноуловимыми. Я в полной мере старалась поддерживать образ коварной и неуловимой темной. Оттого была мила, светла, приветлива, а если и проклинала, то исключительно так, чтобы ни одна живая душа (да и мертвая тоже) не заподозрила, чьих это рук и языка дело.

Вот и сейчас я с самой милой улыбкой топала по ступеням винтовой лестницы вниз, во двор академии. Мило болтала с младшей кухаркой, совсем еще молоденькой девчужкой, о погоде, вполуха слушая ее стенания о неразделенной любви к какому-то старшекурснику.

С этой девицей мы вроде как даже были подругами. Я вообще за последний месяц стала удивительно дружелюбна. А для черной ведьмы – так и вовсе исчерпала на дюжину лет вперед свой лимит на ту пакость, которую простые люди величают приятельством. Но деваться было некуда, и я дружила для виду и с кухарками, и с одноклассниками, и даже со своей квартирной хозяйкой. Хотя периодически, чисто по ведьминской дружбе, насылала на эту старую каргу заклинания ревматизма. Ибо одно дело пару раз приложиться к замочной скважине своим старушечьим глазом, а другое – проделать в стене комнаты две дырки для «посмотреть» и сдавать сей наблюдательный пункт за серебришку всяким извращенцам. Правда, ушлая бабка нажиться на своей гениальной идее не смогла: ровно на место для гляделок я повесила картину... Но сам факт того, что за мой счет пытались обогатиться, причем дважды, возмутил меня до глубины души.

Я бы съехала из комнаты уже давно, но вот найти жилье за столь же мизерную цену даже на окраине столицы было нереально.

В итоге я терпела бабку, та – меня. Картина со стены регулярно падала, даже будучи прибитая не только гвоздями, но и чернокнижными заклинаниями, а карга не теряла надежды обогатиться на тайном просмотре юной девы в неглиже, обитающей в естественных условиях съемного жилья.

Сегодняшнее утро не заладилось с самого начала: я чуть не проспала. Потом была ужасная давка в лодке, а теперь вот трескотня...

Я искоса глянула на рябое лицо курносой кухарки... М-да. Ей бы подумать о своей ровне, каком-нибудь булочнике из соседнего дома или водовозе. Так нет... Мечтала оказаться лежащей на сеновале или иной горизонтальной поверхности непременно с этим адептом-аристократом. Вернее, грезила-то девчушка об ухаживаниях и поцелуях, но в итоге получила бы именно разглядывание потолка. А потом... В лучшем случае слезы и сопли. Про брюхатость и иные болезни, передаваемые половым путем (и частенько не без помощи ведьминых проклятий – заявляю как специалист в области срамословия), кухарочка, видимо, тоже не думала, заливаясь соловьем о достоинствах своего замечательного адепта.

Наконец мы спустились во двор. Тут уже в рядок у метелковязи выстроились летные метлы. Почему-то у адептов было особым шиком рассекать небо именно на них. Хотя черены метел нет-нет да и перемежались с паланкинами, шторы которых скрывали своих пассажиров. Чаще всего пассажиров, поскольку так предпочитали передвигаться по воздуху аристократки.

Прозвучал удар колокола, возвещая, что через две дюжины вздохов начнется первое занятие. Я ускорила шаг и поправила на плече холщовую сумку, у которой еще вчера оторвалась тесемка, стягивавшая горловину. Оттого сейчас свитки и перья топорщились из торбы, норovia вывалиться. По этой причине я всю дорогу, стоя в лодке, держала поклажу, боясь, что в сутолоке лишусь своих записей.

Понимая, что сейчас опоздаю, я перешла с шага на рысь. Юбка взметнулась вверх, обнажая щиколотки в белых чулках, но мне было не до приличий.

Я уже почти пересекла двор, когда прямо на меня, выходя из крутого пике, полетела здоровенная метла. Ее внушительный черен из мореного дуба мог легко выдержать трех рыцарей в полном боевом доспехе и дракона в крылатой ипостаси в придачу. Но пока таковых не было. Зато в седле метлы имелся белокрысый здоровяк.

Он-то и задрал черен своей леталки едва ли не вертикально.

Я успела отпрыгнуть в сторону в последний момент. Навершие метелки протаранило воздух в том месте, где я стояла миг назад. Седок пролетел вперед еще с десятков локтей и, наконец, остановился, отчаянно матерясь.

За его широкой спиной обнаружилась девица веселого и на все согласного вида: облегающая выдающиеся женские прелести тонкая блузка, кожаные штаны, распущенные рыжие волосы и призывно алая помада на губах.

– Куда прешь, курица! – именно со столь высокоинтеллектуальной фразы начала свой разговор эта яркая девица, отлипнув от спины седока. – Ты сдохнешь, напоровшись на черен, а Молоту потом штраф за такую убогую мозгами платить? Если ничего в жизни не светит, то давай накинь белую простыню и начинай ползти тихо к погосту, не мозоль глаза.

Здоровяк обернулся, чтобы смерить меня оценивающим взглядом. Высокий лоб и скулы, темные брови и притом светлые волосы – признак породы, что красноречивее всяких титулов. Точно такой же высокородный кобель, как и герой девичьих грез кухарочки.

– Че застыла изваянием, словно василиск тебя взглядом раздел? – хохотнула собственной плоской шутке рыжая.

Она прогнулась в поясице, прильнув к адепту, и откинула голову, тряхнув власами. И тут выражение ее лица стало до отвратного глумливым.

– Хотя постой так еще немного, а лучше чуть пригнись. Тогда испытаешь всю радость взрослой жизни, когда тебя Волнолом насадит на свой черен...

Запоздало взглянула наверх. Если до этого я думала, что здоровенный блондин неся на меня тараном, то сейчас мне стоило взять свои слова назад и умилиться тому, как предупредительно и аккуратно он водил свою летунью.

Со скоростью арбалетного болта на меня мчался пепельный ураган. Этот ненормальный не просто падал камнем, нет. Он держал метелку одной рукой, заставляя ее лететь отвесно к земле с бешеной скоростью.

Мозг отстраненно успел подумать, что такими самоубийцами могут быть только драконы. Это им, сынам неба, мало простого полета. Обязательно еще и нервишки пощекотать, причем ладно бы себе, а то всем.

Я инстинктивно шарахнулась в сторону, поскользнулась и, уже падая в лужу носом, успела сделать то, что на моем месте сотворила бы любая уважающая себя ведьма. Пожелала...

Все утро я вела себя как образцовая светлая магния, добрая и кроткая... А тут не сдержалась, ведь быть хорошей – это так изнуряет и утомляет.

Метелку у пепельного вихря резко мотнуло в сторону, нацелив ее черен аккуратно на рыжую. Сильная загорелая рука дракона попробовала удержать изначальный курс. Ага, щас. Чернокнижное заклинание десятого порядка способно легко и пушечное ядро с курса сбить, не то что крылатого ящера.

Но судя по всему, психа-летуна я все же недооценила: он успел оседлать свой транспорт в последние мгновения полета. Черен его метлы затрещал, когда до рыжей оставалось несколько локтей, и замер, не долетев до наглой девицы расстояния в каких-то две ладони.

Я медленно встала из лужи. Свитки с записями лекций были испорчены: жижа залилась в сумку, основательно вымочив пергамент.

Стерла с лица грязь.

Рыжая гоготала, забавляясь. Кажется, она, как и белобрысый, не поняла: их от участи шашлыка только что спасла железная хватка пепельноволосого.

А вот дракон с подозрением уставился на меня.

– Ну, Волнолом, ты даешь. – белобрысый слез с метлы. Он даже сделал несколько шагов, подходя и протягивая руку пепельноволосому. То, что при этом его большущие сапожищи растоптали мои самопишущие перья, здоровяк даже не заметил. – Я на один вздох даже решил, что ты не сможешь затормозить и все же врежешься...

Тот, кого белобрысый назвал Волноломом, не спешил пожимать протянутую руку, все еще буравя меня взглядом. Я не осталась в долгу и ответила тем же.

Высокий, жилистый, решительный и столь же опасный, как смертельное проклятие, пепельноволосый напоминал мне сейчас змею, готовящуюся к броску. Его светлые волосы чуть ниже плеч отчаянно трепал ветер, так и норовя бросить очередную прядь в лицо.

Странное прозвище Волнолом ничуть ему не шло. Слишком он для него не монументальный, что ли. Сильный, да. Но скорее сильный силой клинка, а не скалы. Эта сталь способна и отразить удар, и согнуться дугою, а потом распрямиться и ударить во сто крат мощней. А вот утес... Большой, неповоротливый, он рассекает собою волны и стоит недвижимо.

Пепельноволосый был текучей ртутью. Недаром даже макушка у него цвета этого металла.

Но это все я отметила машинально, пока меня изучали льдисто-голубые глаза. Внутри я поежилась от такого взгляда. Не зря чернокнижники говорят: нет драконов плохих и хороших, есть неверно выбранная дистанция. Так вот, в случае одного конкретного пепельного ящера: чтобы он был милашкой, расстояние до него должно составлять минимум пару полетов стрелы.

Между тем белобрысый, стоя с протянутой рукой, напомнил о себе:

– Волнолом, я думал, что тебя шоготты на летней практике сожрали. А смотри-ка, жив-здоровехонек.

Пепельноволосый нехотя оторвал от меня взгляд, спешился.

– Молот, ты лучше в следующий раз не останавливайся поперек посадочной полосы, – с изрядной долей холода в голосе произнес он.

– Так если бы кто другой был, я бы испугался, но ты-то всегда умеешь затормозить... – струхнув, выдал белобрысый.

– Я могу, а вот метла...

Только тут я заметила, что по всему древку драконьей метлы прошла молния трещины. Мне стало жаль. Жаль, что черен не развалился пополам. Тогда бы пепельноволосый при всем желании не успел остановиться, и вся эта троица провела бы веселенький день в лазарете, сращивая кости. И мне было бы не столь обидно изгваздаться. Еще и конспекты, что выпали из сумки при моих маневрах, испачкались в грязи.

Придется их теперь переписывать. Увы, у меня не было денег на зачарованный пергамент для лекций, который бы не рвался, не намокал и чернила на оном бы не растекались. Посему на том, что у меня имелся, обычном, все записи после купания в луже превратились в кляксы. Это я видела отчетливо.

Но тут на шее пепельноволосого я заметила маленький драконий хвостик и про себя предвкушающе улыбнулась. Этот летун – не инициированный.

У всех, кто не был обделен толикой магии, на теле имелся рисунок. Он появлялся с самого рождения и рос вместе с владельцем. У драконов это был крылатый ящер в миниатюре, у дриад – дерево, у оборотней – щенок, у некромантов – ворон, у чернокнижников – дикий ветер, у пожирателей душ – черное пламя. У меня вот, например, дикий плющ. Сначала он был совсем маленький, черно-белый, и обвивал лодыжку. Потом, в день моего тринадцатилетия, я заметила, как его листья начали окрашиваться. И, судя по всем признакам, скоро он начнет путешествовать по моему телу. Точно так же как лазурный дракон сейчас крадется по шее пепельноволосого. Подвижная мета – это последняя стадия становления дара. После нее – инициация. Говорят, у драконов во время нее оживший рисунок сливается с сутью, и так рождается крылатая ипостась. Причем миниатюрный ящер у драконов именно того цвета, какого был рисунок.

Но пепельноволосый, кажется, даже не чувствует сейчас своей меты. А я девушка хозяйственная, бережливая.

– Аккуратнее надо быть! – с такими словами я сделала два шага.

Вроде бы в сторону, но резкий поворот головы – и мои волосы хлестнули по шее дракона. Это должно было сойти за плату за оскорбленную добродетель. Пасс рукой, заклинание, которое я прошептала, почти не шевеля губами, – и замершая миниатюрной статуэткой добыча запуталась в моих кудрях.

Я лишь величественно распрямила плечи и двинулась прочь. И не важно, что при этом с моего подола стекала грязь, в туфлях хлюпало, а белые чулки превратились в серые и намокли.

В последний момент вспомнила, что стоит подарить наглým адептам немного теплоты. Щелчок пальцами – и все мои конспекты, что так и остались в луже, вспыхнули. Раздались басовитый мат белобрысого и визг девицы.

Я мотнула головой, перебрасывая прядь волос на грудь, аккуратно отцепила маленького дракончика. Да, украсть мету нельзя. Но это правило не распространяется на темных магов.

Раздался повторный звук колокола, оповещающая, что занятие началось. Да чтоб его! Не успела.

Ужасно хотелось пропустить занятие вовсе и привести себя в порядок в туалете: очистить платье и чулки, причесать растрепанные волосы, умыться, в конце концов. Но в расписании значилась защита от темной магии – тот предмет, который мне, будущей магессе оборонительных заклинаний, посещать было просто жизненно необходимо. Как выразился ректор, кривясь и подписывая мой перевод из Рорского университета чародейства: «Госпожа Вивьен, помните, что ректорат в моем лице идет вам навстречу только лишь благодаря протекции магистра Блеквуда. Поэтому не заставляйте почтенного мэтра за вас краснеть, посещайте все лекции, практики, сдавайте зачеты и экзамены вовремя. Тогда, возможно, вы заработаете мое уважение. Пока же вашей заслуги в том, что вы будете обучаться в одной из лучших академий Светлых земель, нет». А потом он помолчал и добавил: «В отличие от всех остальных адептов».



Прошел уже месяц, а я как сейчас помню напыщенную речь индюка, развалившегося в ректорском кресле и, верно, по ошибке щеголявшего пурпурной лентой, которой награждают героев за боевую доблесть и отвагу. Ну не могла я представить его холеные пухлые руки с мечом или боевым закливанием, что крушат нежить. Зато вполне эти ухоженные длани, унизанные перстнями, могли брать мзду. Например, за одну «родственницу», которая решила перевестись из захолустья в столичную магистерию.

Касательно «остальных адептов», заслуживших возможность обучаться в стенах драконьей академии... никогда не поверю, что я тут одна такая уникальная. Вон сколько золотых пробковых деревьев в одной моей группе – дураки-дураками, не могут запомнить простейших пентаграмм. И это они достойные и непогрешимые?

Злиться (то бишь пребывать в нормальном для черной ведьмы состоянии) я могла сколько угодно, но идти на занятие было надо. Мало того что оно профильное, так за неявку магистр Фабиус обязательно настроит кляззу ректору: де госпожа Вивьен Блеквуд изволила прогулять защиту от темной магии без уважительной причины. Вот знал бы этот сморчок (среди адептов ходили слухи, ему больше трехсот лет), что я не только защиту от себя самой прекрасно знаю, но и атаку на светлого мага могу прекрасно без конспекта ему оттарабанить!

Я подозревала, что магистр Фабиус питает ко мне чувство. Чувство глубокого презрения, подкрепленное ненавистью ко всему женскому полу. Мало того что я носила юбку, а значит, по мнению старикашки, уже была обделена умом от природы, так еще и поступила сразу на второй курс по протекции... В общем, этот пенек плешивый словно задался целью – исключить меня если не из академии, то из группы защитников.

Мне же вылетать из магистериума нельзя было ни в коем случае. А если учесть, что на днях в женском общежитии освобождалось место (не выдержала учебной – и любовной! – нагрузки одна первокурсница), то...

В общем, вся в грязи, мокрая и желающая всем сразу и оптом сдохнуть, я постучалась в двери кабинета. Заглянула, постаралась изобразить на лице милую улыбку. Получилось плохо. Осталось надеяться, что мой оскал все же не столь кроваваден, чтобы заподозрить во мне вампира.

– А-а-а... Адептка Блеквуд. Вы так спешили на занятие, что не разбирали дороги? – глумливо начал профессор, разглядывая меня. – И что же вам попало на пути? По виду – так минимум шумерлинская топь, где на вас напала кровожадная льерна. Но, судя по тому, что вы все же здесь, вы доблестно от нее отбились, и вот мы сейчас можем вас лицезреть...

Лучше бы на меня напала льерна, чем один чокнутый дракон и его дружок с рыжей в придачу.

К слову, льерна была весьма мирной нежитью из рода гигантских иглобрюхих полозов. Сожрет косулю или человека, и больше никого после трапезы не трогает пару месяцев. С льернами темным магам порою можно было даже договориться, если перед этим тварь хорошо накормить. А вот с Фабиусом подобный трюк, увы, не пройдет. Подозреваю, что даже двумя освежеванными козами преподавательскую глотку не заткнешь...

Магистр между тем упражнялся в остроумии, некоторые адепты подхихикивали. Причем делали это не оттого, что шутки магистра оказывались столь уж остры и изящны, а скорее в надежде польстить самолюбию привередливого хрыча.

– Садитесь, адептка Блеквуд. И в будущем постарайтесь являться на занятия в надлежащем виде.

Я мрачно потопала к своему месту. Да уж, черная ведьма, пусть даже вооруженная до зубов терпением, бессильна перед всемогущим женоненавистничеством Фабиусом. Иногда мне казалось, что еще немного – и оно, мое терпение, лопнет, забрызгав моей же злостью не только магистра, но и всех вокруг.

Села рядом с Корнелиусом – весельчаком и паяцем, обладавшим поистине бесценным даром: он мог трещать полдня напролет и при этом не раздражать.

– Ви, ну ты даешь! – вместо приветствия тихо выдал одноклассник.

Но даже сказанная шепотом фраза заставила преподавателя повернуть голову в нашу сторону.

– Тишины! Я требую тишины! – на щеках Фабиуса расцвели ярко-красные нервические пятна. – Защита от темных сил – это тот предмет, который вы все должны как минимум ценить! Ибо, только зная основы обороны от черных магов, вы сможете выжить. А те же, кто полюбят данный предмет всей душой, – не только выживут, но останутся целы и невредимы. Так что советую быть вам всем внимательными.

– И любить мой предмет, – тоном преподавателя, но так, чтобы услышала лишь я, выдал сосед.

Корнелиус был тот еще лицедей и кривляка, передразнивать всех и вся умел мастерски. Я едва сдержалась, чтобы не прыснуть. Знать предмет, разбираться в нем – это понятно. Но любить? Моя старшая кузина Барлин, к примеру, считала, что, когда мужчина не способен любить женщину, он начинает любить что попало: родину, императора, защиту от темных сил, пирожки с мясом... А в том, что знатная сердцеедка и кокетка Бар разбиралась преотлично в

существах, которые когда-то вылезли из женщины и до самой смерти стремятся залезть в нее обратно, сомневаться не приходилось.

Между тем голос преподавателя начал стихать: он, все еще что-то бубня, повернулся к доске. Легкий пасс его руки, и грифель взмыл над землей. Пара мгновений, и на черной поверхности начали появляться четкие линии – схема пентаграммы защиты от демонов низшей ступени.

Я перерисовывала ее на лист, которым со мной поделился сосед. Увы, мой конспект сгорел синим пламенем, как и все пергаментные свитки, что упали в лужу. Занятие тянулось нескончаемо долго. Занудный голос преподавателя, засохшая грязь, которая стягивала кожу, мокрая обувь – все это невероятно раздражало. Хотя нет, даже не раздражало, а откровенно бесило.

Удару колокола я обрадовалась, как иная новобрачная свадебному гимну. Увы, я сильно поспешила быть счастливой.

– Я не закончил! – Фабиус воздел корявый перст к потолку.

Мы поникшими лютиками опустили на лавки.

– Через четыре седмицы вы все должны сдать рефераты. Темы написаны напротив ваших фамилий вот тут! – Старик потряс в воздухе листом. – И учтите! Не успеете вовремя, до турнира четырех стихий, долги я принимать не стану, зачет тоже.

Как всегда, в своем репертуаре: максимум пафоса, минимум адекватности.

Профессор оставил лист на кафедре и степенным шагом удалился. Мы же рванули со своих мест. Когда я увидела свою тему, то скривилась. «Руническое письмо на коже мага как элемент защиты от темных чар на примере тела покойного архимага Эмпатыра Медная Кирка», – значилось корявым почерком рядом со скромным В. Блеквуд.

Была у белых странность: простые, ничем не примечательные маги носили фамилии, а заслуженные и прославленные – прозвища. Многие адепты в подражание великим и усопшим тоже обзаводились подобными в обход имени рода. Как мне казалось, делали это юные маги по двум причинам: для солидности и подстраховать себя. Что до второго, то тут все понятно: если совершит студиозус великий подвиг, чтобы его не поименовали по месту онго. Ведь зачастую геройствовать приходилось в какой-нибудь деревеньке Жабки, Заячьи Рожки или Комариная Пустошь. Вот и выходило порою у непредусмотрительных, что и имя вроде известное, а улыбаться хочется: Вольдемар Большие Животинки или Марселина Гадючья Топь.

Я уже хотела записать тему. Но тут чей-то палец, до этого заслонявший часть строчки с моей фамилией, исчез. И стала видна приписка: «Посещение усыпальницы архимага и перерисовка рун обязательна». Я чуть не завывала в голос. Мало того что это храм, куда ведьмам, пусть и не инициированным (а значит, еще с не совсем черной аурой), входить тяжело (скручивает так, что, того и гляди, сознание потеряешь), так еще и усыпальница, куда допуск для второкурсницы еще надо исхитриться получить. Как-никак мощи легендарного героя...

Покидала аудиторию в раздрае. Да что за день сегодня такой! Вот это называется «проснулась и как давай жить!». Надо срочно что-то с этим делать, а то такими темпами я к вечеру революцию совершу.

Перво-наперво нужно привести себя в порядок. Бытовые заклинания у меня выходили через раз, поэтому решила просто добраться до туалета и хотя бы умыться. Но, увы, видимо, сегодня я чем-то разозлила темного бога.

на пути мне попала Арелия со своей свитой. С этой девицей с первой встречи я была сама вежливость. Как показал опыт – зря. Некоторым, чтобы самоутвердиться, нужна мишень для метания заклинаний. И отчего-то именно я приглянулась блондинке. Может, потому, что была ее полной противоположностью. Арелия – эдакое небесное создание. Нимфа, мать ее, во всех смыслах! Отцом белокурой красавицы был эльф, а вот матушкой – крылатая прелестница.

Только подозреваю, что среди родни полукровки все же затесались лепрекон с гоблином – уж больно характер у нее был паскудный. В Темногорье ее бы ведьмы точно приняли за свою.

Впрочем, это Вивьен из рода Блеквудов – неприметная серая мышка, которая терялась на фоне блистательной Арелии. А вот Вивианита Эрастис кон Торастас из клана Полуночных ведьм могла бы дать фору белой лабораторной крысе, возмнившей, что если она в виварии самая раскормленная и толст... красивая и непревзойденная, то и во всем мире так.

Знала бы недоэльфийка, что мне для соответствия образу каждое утро приходилось умываться уродреей – эликсиром, обратным по действию пресловутой гламурее. В результате тонкие черты лица становились грубее, изящество исчезало вовсе, кожа вместо загорелой и смуглой начинала казаться землистой, а цвет глаз из насыщенно-зеленого менялся на невзрачный серый, да и вся я в целом превращалась далеко не в милашку. Вот только эликсир отчего-то был бессилён против отцовского наследства – густых каштановых, слегка вьющихся волос.

– Смотрите-ка, свинья вылезла из своей лужи и перепутала магистерию и хлев...

Арелия демонстративно помахала перед своим лицом ладошкой. Шутила она как-то слишком грубо для своих нимфо-эльфийских предков.



Но, в отличие от боковой ветви рода перворожденных, я была истинной черной ведьмой, которая руководствуется принципом: не копить обиды в себе, а просто либо прощать, либо убивать того, кто тебя огорчил. А поскольку милосердие у темного племени – атавизм, то я лишь мило улыбнулась Арелии, про себя решив: она крайне нуждается в хорошем проклятии.

– А я смотрю и вижу, как внешняя красота приобретает внутри уродливые формы... – пропела я в сторону, словно бы ни на что не намекая, но максимально громко, чтобы услышали все.

– Ты что этим хочешь сказать, убогая?

Нет, я, конечно, подозревала, что смазливая мордашка и ум идут зачастую параллельно, и, как всякие параллели, они не пересекаются, но чтобы настолько, как у Арелии... Сегодня меня достали. У меня было трудное утро, которое контрольным выстрелом добил Фабиус со своим рефератом, потому я подошла вплотную к блондинке, источавшей аромат лилий и малины (и почему тошнотворное сочетание сиропных запахов этой осенью считается наимоднейшим в столице?), и положила ей руку на кружевное жабо, словно хотела поправить пуговичку или складку. От такой наглости Арелия скривилась и уже хотела ударить меня изящными пальчиками с ледяными иглами вместо ногтей, которые она только что отрастила, как я резким движением сграбастала ее за грудки. Полуэльфийка, произносившая заклинание «ледяных когтей», от удивления вскрикнула и потеряла концентрацию.

Между нашими лицами расстояние оказалось не больше перста. Мы смотрели глаза в глаза: я, чуть запрокинув голову, Арелия – вынужденно склонившись.

– У меня сегодня было поганое утро. А за ним начался отвратный день. И если ты еще хоть словом, хоть взглядом в мою сторону... – я намеренно не договорила, но, полагаю, мой взгляд и без слов довершил фразу: «...убью».

Вообще, черные ведьмы умеют быть убедительны. Это у нас врожденный талант, передающийся из поколения в поколение и возвращенный на материнском молоке.

Арелия сглотнула, на ее висках выступили бисеринки пота.

– Ты мне угрожаешь? – она нашла в себе силы ответить. Правда, голос ее при этом слегка дрожал. – В тебе даже сила не пробудилась, первый уровень дара. И рискнешь вызвать меня на магический поединок?

– А кто говорит о честном бое? – я усмехнулась так отчаянно, как может улыбаться либо сумасшедший, либо тот, кому нечего терять... Либо та, которую в десять лет бабуля лично познакомила с одним из архидемонов первородного мрака.

– Ты – отродье тьмы, – скривилась Арелия, видимо, думая, что оскорбляет меня. – Только они нападают из-за угла и бьют в спину.

«Ну, не из-за угла, а с наиболее выгодной со стратегической точки зрения позиции. И не бьют в спину, а заботливо указывают противнику на его слабые места в защите», – поправила я про себя. Впрочем, вслух сказала другое:

– Ты обвиняешь меня в чернокнижии? Смеешь сомневаться в силе мертвого сердца Кейгу? Считаешь, что оно способно впустить в академию черного мага? Это пахнет сильнее любой лужи... Например, исключением, – выдохнула я блондинке прямо в лицо, и она вздрогнула.

Я знала, что попала точно в цель. В магистериуме были неоспоримы три вещи: слово ректора, непогрешимость артефакта, в который превратилось закаменевшее сердце дракона, основавшего академию, и свод из двенадцати академических правил. И только что Арелия усомнилась во втором постулате, на котором и держалось величие магистериума.

Нет, конечно, возмущались и приказами ректора, и тем, что артефакт распределения как-то странно порою показывает уровень силы мага, и кляли двенадцать правил. Но делали это тихо, в кругу друзей или тех, кого считали таковыми, а если вели речь в открытую, то чаще всего вылетали из академии. Ибо вольномыслие вольномыслием, но начальство трогать нельзя.

Арелия побледнела, дернулась, чтобы отпрянуть, но я держала ее крепко.

– Я подобного не говорила... – она все же попыталась перешнуровать ботинки в прыжке.

– Зато я слушала.

В глазах Арелии плескалась ничем не замутненная ненависть.

– На подобную тебе не стоит тратить ни слов, ни взглядов, – прошипела полуэльфийка.

Хм... Кажется, кто-то не любил проигрывать, но если доводилось удирать с поля боя, то считал своим долгом оставить последний выкрик за собой.

– Рада, что мы друг друга поняли. – Я отпустила жабо красотки.

Она тут же отпрянула, фыркнула, распрямив плечи, и, не глядя на меня, двинулась прочь. Ее свита, что стояла чуть поодаль, пока мы вели милую беседу, лишь зашуршала юбками и зашущукалась, кося на меня осторожными взглядами, а потом потянулась за своей «королевой».

Я усмехнулась про себя. Да, когда-нибудь меня за мой длинный язык, язвительность и любовь к провокациям сожгут на костре, но пока я тут, в этой, свет ее подери, академии, поэтому продолжим-с. С таким настроем я наконец-то добралась до туалета.

Внутри никого не оказалось, и я смогла спокойно привести себя в порядок. Настроение, как ни странно, было замечательным. Арелия так легко повелась на провокацию. Сразу видно, не закаленная она гадючьими чернокнижными натурами моих кузенов и кузин. Вот те умели раскатать в тонкий пласт с милой улыбкой и без магии, заставляя меня тихо закипать от гнева и ждать. Ждать, когда пройдет инициация и я смогу как следует им отомстить.

Не дождалась. Пришлось срочно драпать туда, где не найдут. Тут-то бабуля и рассказала, что я смесок. И во мне течет кровь белого мага.

Вообще-то черные ведьмы – существа, не обремененные семейными оковами. Мы вольны выбирать где, когда и с кем (сколько бы их ни было) проводить ночи. Правда, это бывает чаще уже после того, как темная магиня родит своего первенца... Увы, с моей матерью все случилось не по канонам. Она где-то на границе со светлыми землями (а клан Сумеречных ведьм обитал как раз там) умудрилась подцепить светлого. Как ба заключила позже – шпиона. Тот, хоть и был отрыжкой небесной магии, но поступил как истинно темный папашка: бросил деву со своим приплодом и умотал к себе.

Мама, втюрившаяся по самые уши в этого урода со светлой аурой (хотя на рожу, судя по тому, что в моем лице выросло из его семени, был совсем даже ничего), на этой почве и инициировалась в шестнадцать лет. Вообще, это отличительная черта рода Эрастисов – поздняя инициация. Обычно она проходит медленно и постепенно, но у маман от нервов все случилось враз. А спустя положенный срок появилась и я.

Ба отнеслась к произошедшему философски, сказала, что чем больше черных ведьм, тем лучше, похвалила маму за быстрое вхождение в полную силу и... предложила забыть о том досадном инциденте и о том, что мой отец – светлый маг. Забыли. Основательно. Даже моя маман, которая меняла любовников как чулки.

Я бы так ничего и не узнала, если бы на мое девятнадцатилетие не случилась, скажем так, неприятность: меня захотели убить. Ба при всем своем желании противиться в открытую не могла, но как глава рода постаралась меня сберечь и... послала куда подальше. А точнее – к отцу, в светлые земли.

Увы, родителя лично я не нашла, зато отыскался его дядя – почтенный и седой Блеквуд. Он долго тряс своей бородой, не веря, что родовой артефакт признал во мне единокровницу. Но как только сомнения отпали, а моя слезливая и ни разу не настоящая история провинциалки из захолустной академии, к которой непотребно приставал ректор, наоборот, запала магу в душу, то старика словно подменили. Он приложил все усилия, чтобы у его внучатой племянницы случилось если не несметное богатство – Блеквуд жил скромно, – то хотя бы приличное образование. Дядя устроил меня в академию, где сам преподавал, и порывался в провинцию: вызвать ни о чем не подозревавшего ректора (к слову, имя я взяла реальное) на магическую дуэль. Едва удалось его отговорить.

В первый день в столичной академии меня знатно потряхивало. И вовсе не от благоговения к детищу Кейгу Золотое Крыло. Было страшно, что темное наследие, хоть и не пробудившееся, заявит о себе. Но нет, оказалось, что неиницированная темная ведьма, у которой на уме в момент проверки были лишь мысли о добром и прекрасном, сойдет за побитую молью светлую.

В тот приснопамятный день я держала в руках мертвый камень, который, несмотря на свою полную и безоговорочную смерть, бился, пульсировал, как живое сердце. Мне было страшно до жути, но усилием воли я грезила о такой мерзости, как всепрощение и отзывчивость. И по сей день меня от подобного выворачивает, но тогда именно эти думы и наскребли во мне ту единицу светломагической силы. По десятибалльной шкале.

У нас же, темных, силу принято измерять в уровнях. Сколь глубоко во мрак может погрузиться маг и не сдохнуть при этом – такова и его сила. Точное число уровней не знал никто. Поговаривали, что у верховного темного их было больше всех. У меня – пока тридцать, но ба после полной инициации пророчила все шестьдесят, а то и больше. Сама она гордилась преодоленным порогом в полсотни пластов тьмы.

В общем, белой магией я оказалась никакущей, чем и расстроила Блеквуда. Но он, хоть и поник, с истинно светлым благородством предложил мне помимо протекции еще и кров. Я отказалась. И вовсе не из-за смущения. Просто светлomu магу легче почуять во мне тьму, пусть и не вошедшую в полную силу, чем простой квартирной хозяйке, что сдавала мне комнату на отшибе.

Я бы и дальше у нее проживала, не задумываясь об общежитии, если бы не вестник от тетки Морриган. Когда ворон с зажатой в клюве запиской постучал ко мне в стекло, я пришла к выводу, что лучше мне обождать год в стенах академии.

Сообщение гласило: мои убийцы нашли способ на законных основаниях прибыть в столицу светлых земель. А это значит, что теперь по улицам Йонля одной черной ведьме Блеквуд гулять опасно.

Чтобы выжить, мне в ближайший год не стоит и носа высовывать за ворота академии. Да, риск попасться магистрам возрастал во сто крат даже по сравнению с домом Блеквуда, но и умирать от руки темных, что шли уже по мою душу, тоже как-то не хотелось. А своих сородичей я знала и их настойчивость тоже. Потому из двух зол выбрать пришлось свет.

Плеснула водой в лицо, отгоняя мрачные мысли, умылась. И только когда глянула в зеркало, поняла, что смыла-таки эликсир. Не успела выругаться, как в дверь с силой ударили.

– Выходи, поганка!

В сумке тут же ожил украденный дракончик. Видимо, почуял хозяина.

Глава 2

Я не глядя запустила руку в торбу и извлекла оттуда лазурную мелочь. Ящеренок брыкался, хлопал крыльями и норовил цапнуть.

– Гардрик, что вы делаете? Перестаньте ломиться в женскую уборную! – негодующий женский голос явно принадлежал кому-то из преподавательниц.

Дверь, по которой уже пошла внушительная трещина, перестала прогибаться.

– Профессор Брук, прошу прощения...

Пепельный, видимо, начал разводить с магессой политесы.

Я же, обрадовавшись передышке, поняла, что надо срочно удирать. Через дверь – не вариант. Зато имелись вентиляция и маленькое узкое окошко под потолком.

Дракоша, которого я держала за хвост вниз головой, понял, что свобода просто так не дается, и плюнул в меня огнем. Запал был маленький, но приятного все равно мало.

Тратя драгоценные мгновения, я выудила из сумки бутерброд с тонким, почти прозрачным кусочком колбасы.

– Подавись, – сунула мой сегодняшний обед в драконью мордочку.

Мета, хоть и была соткана из магии, оказалась на диво прожорливой и впилась своими мелкими клыками в угощение. Подбежав к окну, я запрыгнула на умывальник и, кое-как кончиками пальцев дотянувшись до створки, открыла ее.



– ...Там одна моя знакомая. Она просила подождать ее у входа, но дверь заклинило, и теперь ей не выйти, – меж тем донеслось из коридора.

Все же швабра, вдетая в ручку двери, была отличной идеей. Как печенкой чуяла, что пригодится.

– Ну, знакомая, положим, выйдет. А кто будет ремонтировать дверь?

Видимо, магесса тоже потянула ручку на себя и убедилась, что просто так уборная не сдастся. Только штурм, только атака. Впрочем, подозреваю, что если за дело взялась профессор, то она скорее использует магию, а не силу. Поэтому счет шел на удары сердца.

Раз...

Я спрыгиваю с умывальника и слышу, как из-за двери доносится:

– Профессор Брук, я обязуюсь лично починить эту дверь и еще три таких же, только освободите мою знакомую...

А мне чудится в недосказанности окончание фразы: «Чтобы я мог лично свернуть ей шею».

Два...

Хватаю дракончика, что заглатывает шкурку от кусочка колбасы, сую его в сумку.

И слышу ответ профессора:

– Ну, раз вы так просите и обещаете все лично починить...

Три...

– *Эристиус корвус!*

Слова заклинания пропитывают воздух. Я вскарабкиваюсь на тумбу, что стоит под вентиляцией.

Четыре...

Дверь содрогается от попавшего в нее заклинания, а я закидываю сумку с драконом в вентиляцию и сама ввинчиваюсь в узкий лаз.

Пять...

Новая волшба – и от древка швабры, да и самой двери, остаются одни щепки. Но я уже успела не только втянуть свое тело в вентиляционную шахту, но и приставить решетку.

Мы, черные ведьмы, когда дело касается спасения собственной шкуры, очень проворные.

Пепельный влетел в уборную и заозирался. Сведенные на переносице брови, побелевшие костяшки сжатых кулаков, злой взгляд – Гардрик был явно в бешенстве.

Дракоша завозился, пытаясь выбраться из сумки. Только не сейчас! Чтобы быстро усыпить мету, нужно заклинание третьего порядка, а оно всколыхнет магический фон. Пепельный, может, и не заметит, а вот профессор... не факт. Мелкие проклятия, которые не дотягивают и до второго уровня, что звук падающего листа – если не видишь волшбы, то и не услышишь. А вот чем выше порядок, чем больше сил вкладываешь, тем громче и отдача. И если адепты, которые еще не сталкивались с тьмой, могут ее заметить, но не придать значения, то сражавшиеся с мраком не ошибутся.

Женщина, вошедшая вслед за адептом в уборную, выглядела настоящим боевым магом – не чета ректору. Жилистая, с лицом, расписанным шрамами, и абсолютно лысым черепом. Зато осанка – точно меч проглотила. Да уж, если не знать, что она «госпожа», легко можно обратиться к ней «уважаемый лэр», а не «лэрисса».

– Похоже, вашей знакомой здесь нет, – с легкой издевкой протянула магесса.

Сквозь решетку я увидела, как пепельный повернул голову в сторону окна и застыл.

Между тем лазурный дракончик деловито вскарабкался на мое плечо, задрал мордочку и выжидательно уставился на одну черную ведьму. Я поднесла палец к губам: мол, тихо. Правда, при этом сильно сомневалась, что вредная тварюшка наделена хотя бы зачатками разума. Вон хозяин ее и тот еще маг без башни, что уж до маленькой меты...

«Сейчас спалюсь, а потом меня спалят, причем последнее – весело и всем дружным коллективом магистерии. Буду зажигалочкой внеплановой вечеринки, так сказать», – успела подумать, когда лазурный деловито облизнулся.

Я без слов поняла этого вымогателя. Ему понравилась колбаса, и он требовал продолжения банкета. Согласно кивнула. А что мне еще оставалось делать?

Хорошо, что у меты нет зова, иначе бы пепельный и головы в сторону открытой форточки не повернул... Неприятно, что этот сумасшедший дракон так быстро меня вычислил и нашел. Я же специально все свои конспекты, что валялись в луже, сожгла. Как говорится, себя не пожалела, чтобы сделать пакость недругу.

Лазурный затих, удовлетворенный своей дипломатической победой. Зато внизу самое интересное только начиналось.

– Видимо, ваша знакомая так жаждала встречи с вами, что сбежала через окно. Да и швабру не поленилась в ручку двери вставить. Полагаю, что исключительно из желания поскорее увидеться с вами, Гардрик...

Если бы голос разъедал, подобно кислоте, на месте дракона уже была бы шипящая воронка. Звук стираемой эмали зубов пепельного я услышала отчетливо.

– Потрудитесь починить эту дверь до заката. Инструмент можете получить у Цербуса в кладовой.

Лэрисса Брук прошла между кабинок и задумчиво протянула:

– Интересно, кто так распалил наследника правящего клана, что он едва сдержался? Хотя... Кто бы это ни был, но, пока Гардрик будет работать молотком, он поостынет. – магесса задумчиво глянула на узкое окно под потолком и добавила: – Наверняка из искусниц. Это они все мелкие и смазливые.

Зазвучали решительные шаги, и я услышала, как ее рука резко отдернула решетку вентиляции.

– Странно, я бы между падением с третьего этажа и воздуховодной шахтой выбрала вторую, – донеслось до моего слуха.

Но нас с драконом в том рукаве уже не было. Мы ползли по боковому ответвлению. Как оказалось, вовремя удрали, не став дожидаться, когда и магесса уйдет.

Лаз оказался настолько узким, что я постоянно боялась застрять. На очередной развилке услышала разговор.

– В этот раз участвовать в отборочном туре могут только маги с уровнем дара не ниже седьмого, – удрученно вещал тенор под звуки льющейся воды.

– Значит, участники будут с двух последних курсов. Только там можно найти пару, чтобы и защитник и атакующий были такими, – авторитетно прогнусавил второй. – С первого по пятый курс нет ни одного сильного, полностью пробудившегося. А если и вошли в силу, то с уровнем не выше трешки.

– Да, третьего уровня для победы на турнире маловато, даже если сцепка сработанная... Нужен минимум пятый.

Произнесший эту фразу голос явно принадлежал Корнелиусу. И тут я поняла, что не вынесу больше. Нет, не темы разговора в мужской уборной, а пыли, набившейся в нос.

Чихнула. Оглушительно и с чувством, заставив троицу разом замолкнуть. Решив, что терять уже нечего, я толкнула решетку и практически ввалилась в дружный мальчишеский коллектив.

Все трое уставились на меня, как девственницы на обнаженного инкуба.

– Не каждый день на тебя падает такая неземная красота. Пусть и слегка пыльная, – ошалело выдал Корнелиус, пристально рассматривая меня. А потом подозрительно спросил: – А мы не встречались?

М-да, когда я после лекции сказал Кору, что пойду в дамскую комнату, дабы привести себя в порядок, то думала, что буду выглядеть слегка иначе.

– Конечно. Совсем недавно. Но я так скучала по тебе, милый, что решила прийти пораньше. И пришла.

Занавес. Теперь и Кор был ликвидирован на несколько мгновений. Он судорожно вспоминал, где же мы могли видетсья.

А я воспользовалась моментом, стряхнула с себя пыль и вышла из мужского туалета как ни в чем не бывало.

Идя по коридору с высоко поднятой головой, боковым зрением отметила, как на меня оборачиваются. Срочно! Нужно срочно найти укромное место, чтобы умыться уродреей, бутылек которой лежал на дне мой сумки.

Зря я вспомнила о своей холщовой торбе. В ней тут же активизировался прожорливый дракоша. Да что за день сегодня такой, только и успеваю в неприятности вляпываться. Утешала мысль, что это всего лишь плохой день, а не плохая жизнь.

Между умыванием и дачей взятки я выбрала второе и резко сменила направление. В столовую. Обычно я обедала тем, что брала с собой, но сегодня разорилась на три бутерброда с ломтиками вяленого мяса.

Нет, если студенты хотели, то могли платить три золотых в месяц и получать комплексный обед. Если пять – то не просто комплексный, а элитный. Вовсе же бесплатная еда была для тех, кто зачислен на стипендию. Но таких талантливых, одаренных и потенциально сильных магов было немного. А мне, бесперспективной белой единичке, приходилось выкручиваться.

Брать деньги у деда Блеквуда не хотелось, но мои финансы стремительно таяли. Скоро и вовсе помашут мне последней гнутой медькой. Надо было срочно искать работу, желательно в академии.

Да уж. Мои предки в гробу не раз перевернутся, если узнают, что их праправнучка, черная ведьма в девяносто третьем колене, пойдет работать на белых магов. Но лучше так, чем висеть на шее у старика, который живет на одно свое жалованье.

Заполучив бутерброды у гоблинши-буфетчицы, я разделила свою добычу: хлеб мне, мясо в сумку. Третий ломтик завернула в пергамент и спрятала отдельно.

Я сидела под лестницей, болтала ногами, уплетая белый мякиш, и жмурилась от удовольствия, представляя, как кто-то сейчас усиленно работает молотком и психует.

Жаль, что мету оставить у себя нельзя. Все же кража – это веское преступление. Но пусть пепельный еще побесится, изойдет на нервы и гнев... Потом, так и быть, выпущу лазурного. Мелкий, если захочет, сам к хозяину дорогу найдет.

Дракоша, будто услышав мои мысли, выглянул из сумки и закурлыкал. На ласку запрашивался. Я усмехнулась. Все же не так мы и различны, светлые и темные. Взять те же меты: мы не слышим их. Зато они наш зов прекрасно слышат.

Я погладила лазурного по голове. Он зажмурился от удовольствия. А потом извернулся и ткнулся носом в ладонь. у-у-у, хитрец.

– Я свою часть договора выполнила. Теперь сиди до вечера тихо. Выполнишь – получишь еще вкусенького.

Пришел черед умывания. Хорошо, что у нашей группы сегодня была единственная лекция до обеда. У Фабиуса. Предполагалось, что потом мы до первого удара колокола просидим в библиотеке, а после перерыва и до вечера будет практикум по иллюзориям. Вела его магесса Илвия – дама весьма интересная.

Ее занятия я любила и посещала с удовольствием. Ведь нет ничего более правдивого, чем та иллюзия, в которую ты поверил. Эту простую истину знает каждая черная ведьма. Светлые маги тоже не чурались сей грани магии, но преподносили ее как науку, в то время как темные считали иллюзию скорее искусством. Светлые пытались запихнуть мираж в идеальное сочетание формул и графиков, а темные развивали в себе интуицию и доверяли ей в создании образов.

Мыслями я была уже на занятии, а руки тем временем доставали заветный пузатый пузырек черного стекла. Я ополоснула лицо и протерла ладони приятным, отдающим мятой эликси-

ром. И вновь кожа загрубела, став привычного землистого цвета. Вот и все. Невзрачная Вивьен Блеквуд готова приступить к занятиям.

Отличный у бабули рецепт. Простой, но верный. И главное, в нем такая капля магии, что ее и не учуять. Как говорится, у меня все натуральное, а что не натуральное, то почти естественное.

Дракоша улегся на дно сумки, свернулся калачиком и... уснул. Я доела хлеб и поспешила на занятия.

Время у магессы Илвии пролетело, как всегда, незаметно. Сегодня учились отличать фантомных чудовищ от реальных. Узнала много нового и интересного. Теперь, если Темный бог приведет пугать своими творениями светлых магов, я буду знать, куда эти белые подлецы будут бить в первую очередь.

Корнелиус был на удивление тих и нет-нет да и косил на меня взглядом, задумчиво останавливаясь на волосах. Но потом мотал головой, словно прогоняя бредовую мысль.

Вечер подкрался незаметно, заглянул в стрельчатое окно лучами заходящего солнца. Колокол возвестил об окончании занятий. Я так увлеклась, что даже забыла о пепельной неприятности, о реферате для Фабиуса и мелкой лазурной вредности. День выдался насыщенным.

Я слегка опасалась дракона. Если он так быстро вычислил меня, то наверняка сейчас поджидает у аудитории, и стоит мне только высунуть нос...

Все адепты уже давно вышли, а я все оттягивала миг расплаты. Идея пришла, когда стопка пособий, вырвавшись из аркана заклинания левитации, рассыпалась по полу.

Магесса вздохнула. Ей удавались сложнейшие заклинания иллюзий, но с простой бытовой магией преподавательница отчего-то не дружила.

– Вам помочь их отнести? – Я была сама вежливость.

– Да, Вивьен, если вас не затруднит.

Я обрадовалась и от жадности нагрозила стопку, которая закрывала меня ровно по макушку. Так, под щитом из пособий, прикрываемая магессой с тыла, я миновала выход из аудитории.

Справившись с почетной миссией носильщика, я рванула к посадочной площадке. Общественная лодка вот-вот должна была прибыть.

Вечером оказалось полно свободных мест, и дорога назад была почти комфортной. А что до запаха жареного лука с салом – так никто от соседа-гурмана в общественном транспорте не застрахован.

Добравшись до своей каморки, я с наслаждением потянулась, подошла к стене и в очередной раз повесила злополучную картину. За стеной кто-то досадливо сплюнул.

Прежде чем задернуть шторы, в который раз улыбнулась милой рекламной надписи на витрине, что красовалась напротив:

Вам нужно только помереть! Остальное мы берем на себя. Погребальная лавка Синра Алжиррасского. Все наши клиенты уходят в мир иной довольными! Высокое качество товара и скидки для постоянных покупателей.

И милая такая экспозиция гробов на любой вкус. В общем, картина, отрадная глазу черной ведьмы. Вот только сегодня у этого милого вида имелся один изъян – пепельный. Едва он увидел меня в оконном проеме, тут же оседлал свою метлу, что до этого держал в руках, и подлетел к стеклу.

Щелчок пальцами – и разошедшиеся створки предательски закрипели, открываясь. Я попятилась вглубь комнаты, дракон ступил на подоконник, слезая с метлы.

– Ну, вот мы и встретились, Вивьен Блеквуд, – предвкушающе протянул он. – Отдашь моего дракона по-хорошему?

Гардрик отставил ненужную уже метелку и бесшумно двинулся на меня. Руки так и чесались кинуть заклинанием, но пока было рано. С этого паршивца станется и уклониться, а то и запустить в ответ свой аркан. А мне нужно один раз и с гарантией.

– Сдался мне твой дракон... – попыталась отпереться я.

Пепельный оказался рядом со мной так стремительно, что я и глазом моргнуть не успела, а уже стояла прижатой к стене. Правда, клубок заклинания все же успела приготовить.

– На кого ты работаешь? – прошипел Гардрик мне в лицо.

Я опешила:

– Ни на кого. Не дают мне работы, диплома нет, только учусь пока...

Кажется, не такого ответа ожидал дракон.

– Еще скажи, что не ты год назад украла мету у моей сестры Бригит, а потом шантажировала всю нашу семью? Решила пойти по второму кругу?

Вот тут-то я и поняла, что влипла. Хотела проучить, называется. Кто же знал, что у пепельного есть кровница, которая уже нарвалась на кого-то из темных. У нас-то так шутят чуть ли не дошколята: украсть мету у зазевавшегося собрата – это святое. Потому за своими рисунками мы следим, особенно когда те ползать по телу начинают. Маскируем, носим закрытую одежду вплоть до того момента, как пройдет инициация и ее уже будет просто невозможно умыкнуть.



Бригит

– Да год назад меня здесь еще не было... – я уставилась в глаза дракона, которые сейчас радовали мир вертикальным зрачком.
Ничего себе. Вот это сила: даже без меты готов обернуться.

– Знаю. Я все о тебе выяснил, Блеквуд. Я ни об одной своей девушке столько не знал, сколько сейчас знаю о тебе.

Я лишь подивилась драконьей оперативности и сглотнула, понимая, что заклинанием стазиса, готовым вот-вот сорваться с кончиков моих пальцев, не отделаться.

Наши взгляды схлестнулись: буран и пламя, сжигающий свет и первородная тьма. Его руки крепко держали меня за плечи, не давая возможности вырваться. Меня буквально затрясло от ярости. Чтобы истинную черную ведьму да прижимали к стене, как девушку из дома терпимости! Дернулась, желая освободиться. Напрасно. Лишь почувствовала, как дракон сжал плечи еще сильнее. Наверняка завтра синяки останутся.

Пепельный нависал надо мной, как могильная плита над покойником, давил силой внешней и своим даром, заставляя склониться, подчиниться. Причем проделывал это с невозмутимо-мокаменным лицом.

А потом я почувствовала, как по моей ноге начал ползти плющ. Только не сейчас! Моей мете еще рано просыпаться!

Вдох... Выдох... «Успокоиться, главное – успокоиться», – повторяла про себя я как мантру. Только вот беда, она ни капли не действует, когда прямо тебе в лицо практически дышат огнем и требуют ответа за то, чего ты не совершала.

– Раз ты все разведал обо мне, то должен знать, что я прибыла в столицу чуть больше месяца назад.

– А где ты ошивалась до этого? – вкрадчиво поинтересовался драконистый гад.

– В Рорской академии магического права, – выдала я ту ложь, которую до этого момента произносила не единожды.

И в первый раз меня словно очередью из пульсаров расстреляли фразой:

– Врешь.

Дракон тряхнул меня так, что затылок стукнулся о стену.

– Я послал по телепатофону запрос в ту дыру, откуда ты якобы приехала. Ответ пришел один удар колокола назад. Ни о какой Вивьен Блеквуд там не знают, впрочем, как и о любой другой Вивьен. И не училось там адептов с такой внешностью. Она у тебя слишком характерная. Так скажешь мне, кто ты, здесь и сейчас или у дознавателей в камере пыток?

– Здесь и сейчас, только отпусти. – я постаралась заплакать.

Правда, этот процесс никогда не удавался мне столь хорошо, как моей кухне Сью, что могла практически мироточить без покрасневших глаз, распухшего носа и по заказу.

Я всхлипнула, обдумывая – зареветь ли с надрывом, но решила, что сие уже перебор. Гардрик чуть ослабил хватку, и для меня этого оказалось достаточно.

К мраку и тлену конспирацию. Я запустила в него отборным чернокнижным заклинанием успокоения (оно же для малахольных и упокоения), а заодно ударила его в пах.

Пепельный, не ожидая такого коварства, охнул, отступил на шаг, борясь с арканом тьмы, а я решила, что это – знак сниже. Потому и зарядила пяткой дракону в солнечное сплетение.

Увы, он оказался хорошим боевым магом, что было весьма плохо для одной черной ведьмы: аркан скинул за пару вздохов, с болью справился и того быстрее и рванул за мной следом.

До двери я не добежала каких-то два шага. Меня повалили, и мы клубком покатались по полу комнаты, натываясь на ножки кровати и стола, тумбу и табурет. Я шипела и сыпала проклятиями, дракон уворачивался и даже умудрялся выставлять защиту, при этом пытаясь скрутить меня.

Моя юбка задралась чуть ли не до талии, чулки съехали, обнажая лодыжки.

В какой-то момент я извернулась и укусила его за неосмотрительно подставленное драконье ухо. Сделала я это без нежности и пиетета, прокусив мочку.

Гардрик вздрогнул и зашипел. На его лице показались чешуйки, покрыв лазурным мерцанием скулы и лоб.

После укуса сразу же во рту почувствовался вкус крови. Или, может, это была моя из разбитой губы?

Но нет, глаза начал застилать туман, подтверждая, что кровь все же драконья. Кончики пальцев предательски закололо. Мысли стали исчезать в мареве.

Как сквозь пелену я увидела мелкого дракошу, что выползал из сумки. Сытый и довольный. Он узрел хозяина, который тоже не отличался проворством. Движения его были смазанными и замедленными.

И тут в порядке полубреда родилось решение. Кровь, плоть и добрая воля.

– Хочешь получить мету обратно? – сипло спросила я у дракона.

– Да, – очумело выдохнул он.

Я прошептала заклинание, давая приказ своей мете. Плющ, еще только испивший силу, подчинился неохотно.

Дракончик же, почуяв нити заклинания, что опутали и его, мотнул головой, мол, давайте, ребята, сами справляйтесь, без меня. Но потом вразвалочку все же пошлепал своими лапами к нам.

А дальше я отрубилась, искренне надеясь, что все удалось и в мире одним чернокнижником только что стало больше.

Пришла я в себя, когда за окном была глубокая ночь. Картина, паршивка, валялась на полу. Чувствую, что сегодня старуха все же сорвала куш на просмотре. А глянуть было на что.

Мало того что комната была разгромлена и посреди нее мирно почивал красавец-блондин в разорванной на груди рубашке, так еще под его боком имелась девица тоже весьма пикантного вида. Чего только стоили мои беленькие панталоны с кружевной оборкой, которыми я вовсю светила.

Я одернула юбку свободной рукой. Вторая, увы, была цепко схвачена Гардриком. Попыталась освободиться. Куда там, меня так резко дернули к себе и повалили, что я от неожиданности охнула.

Этот звук по чудодейственной силе пробуждения оказался сильнее бодрящего заклинания. Глаза дракона резко распахнулись, и он сел, осоловело таращась вокруг.

Мне до смерти хотелось пить. Все же кровь дракона даже в малых дозах действует на черных ведьм не самым лучшим образом. Подозреваю, что и ведьминская на летающих гадов – соответствующе.

– Что ты сделала, ведьма? – хотел прорычать, а на деле прохрипел дракон.

– Как ты и просил, отдала тебе мету, – и мстительно добавила: – Свою.

Гардрик остолбенел. Я же, воспользовавшись заминкой, вырвала-таки свое запястье из его хватки и на четвереньках (ибо сил встать не было ни капли) поползла к кувшину для умывания, в нем была вода. Жадно прильнула в его горлышку и начала пить большими глотками, чувствуя, как ко мне вместе с влагой возвращается сама жизнь.

С наслаждением умылась. И только после обернулась.

Пепельный все так же сидел на полу и, сняв рубашку, смотрел на свое плечо. Там, на бронзовой коже, красовался узор из абсолютно зеленого плюща. Видимо, драконье плечо оказалось для него почвой весьма благодатной, раз он вымахал втрое за столь короткий срок, да еще и окрасился.

Плющ, польщенный вниманием, зашелестел листочками и пополз к позвоночнику. А я хлопнула себя по шее, думая, что комары здесь стали чересчур наглыми и откормленными: не боятся подзакусить даже черной ведьмой.

Тут же поправила себя. Бывшей черной ведьмой. Под ладонью обиженно фыркнули, и тут же кожу ожгло стружкой пламени. Не сильно, но чувствительно.

– Как ты это сделала? – Гард сглотнул, а потом, видя в руках у меня кувшин, начал вставать.

В отличие от меня он, хоть и шатаясь, но поднялся, подошел, взял мой кувшин и выпил залпом весь остаток воды.

– Будешь убивать? – вместо ответа спросила я.

Сил сопротивляться не было, поэтому, если сейчас Гард приступит ко второму акту пьесы под названием «Удушение», я даже сопротивляться не стану. Честно. Ну, может, проклятие какое для приличия прошепчу...

– Чуть попозже, отдохну и обязательно убью, – пообещал бывший дракон.

Он присел рядом со мной на пол, опершись спиной о стену. Выдохнул, обтер ладонью лицо и спросил единственное:

– Зачем?

– Чтобы выиграть время, – откровенно призналась я. – Ты ведь наверняка бы меня убил или сдал сумеречным.

– К стражам идут только тогда, когда пострадавшие сами не в состоянии вершить правосудие, – усмехнулся дракон.

– Значит, сам решил прикончить, – подвела я итог нашей милой беседе.

Мы сидели без сил, и казалось, что единственный мускул, который еще не устал окончательно, – это язык.

Вообще, обмен метами – не столь энергозатратный процесс, как может показаться. Скорее, после того как в ауру начинает вращаться новая сущность, мага словно рвет изнутри. А вот это уже весьма болезненно и изматывающе.

– Что до твоего вопроса... Теперь ты, если судить по мете, темный маг. Причем стал им добровольно. Ты ведь дал согласие на обмен. Прикончишь меня – не только обратно дракона не получишь, но еще и сам будешь осужден за причастность к чернокнижному колдовству.

– Да ни на что я добровольно не подписывался! – взъярился Гард и потянулся-таки к моей шее.

Я уклонилась, а точнее – просто шмякнулась на пол и откатилась. Уже лежа и взирая на потолок, парировала:

– Согласился. На мой вопрос, хочешь ли ты получить мету, ты ответил однозначно: «Да». Конкретно не уточнялось, какую именно: свою или мою...

– Темная зараза! – все же злость оказалась сильнее изнеможения, и Гард с рыком бросился на меня.

Заклинание, что я повесила, искажало звуки внутри моей комнаты. Может, заслон полного беззвучия был бы и лучше, но квартирной хозяйке картина, когда ее постоялица что-то говорит, а она не слышит ровным счетом ничего, показалась бы крайне подозрительной. А так – шелест, шуршание, невнятные звуки... Можно списать на глухоту самого «шпиона».

Но та картина, что развернулась сейчас перед взором подглядывающей хозяйки, больше всего походила на начальный процесс детопроизводства. Я пыхтела и брыкалась, Гард навалился сверху и иногда вздрагивал. Только делал он это не от удовольствия, а от того, что я лягалась, пиналась и кусалась.

За стеной запыхтели. Усиленно так, заинтересованно.

Даже дракон, как бы он ни был увлечен процессом убийства ведьмы, услышал и на миг замер.

Я улучила момент и врезала под дых. Пепельный охнул.

– Будем считать твою конвульсию за завершение процесса.

– Какого? – ошарашенно выдохнул он.

– Ну как какого, общеизвестного. После которого через девять месяцев на свет появляются молоденькие ведьмочки, эльфйки, дракончики...

– Можешь не продолжать. Я в курсе, как появляются дети, – процедил удушитель и задал очевидный вопрос: – За тобой что, следят?

– Не просто следят, а бдят буквально круглые сутки. Даже ради этого картину каждый раз со стены скидывают.

– Зачем?

– Как зачем? Любую особу в этом мире, не обремененную собственным сердечным увлечением, до коллик в животе интересует личная жизнь других. А если на этом любопытстве можно еще и заработать...

– Твоя квартирная хозяйка не только следит за тобой, но еще и приглашает за деньги любителей подглядывать, как ты проводишь время с...

– Ну да. Хотя со мной она в этом плане просчиталась. – я усмехнулась. – Весь месяц, что я снимаю у нее комнату, она так и не смогла насладиться тем, ради чего ипустила меня сюда. Так что могу тебя порадовать: ты у моей квартирной хозяйки первый.

Дракон закашлялся.

– В смысле?

– Просто до тебя столь пикантных сцен, где в главных ролях я и мужчина, эта старая карга еще не видела.

– И не увидит, – многообещающе протянул пепельный.

Откуда у него только силы взялись подняться? Чуть шатающейся расслабленной походкой (еще и штаны успел подтянуть, характерно почесав при этом живот) дракон подошел к той самой стене. Правда, смотрел при этом крылатый исключительно в окно. А потом молниеносно ткнул указательным пальцем точно в дырку.

С той стороны стены донесся сначала вой, а потом мат. Причем мужской. Что-то упало с оглушительным звуком, затем последовал звон разбившегося стекла, старушечьи причитания... Гард с невозмутимым видом повесил картину на место, а я поняла: это последняя ночь. Завтра мне стоит собирать вещи и съезжать. Хозяйка наверняка найдет предлог, чтобы меня выставить. Печально вздохнула. Везет мне прямо как ведьме на горящем костре.

– Зачем? – задала я единственный вопрос.

– Раз я у тебя тут первый и единственный, то мне положено стесняться, – оскалился крылатый. – К тому же, знаешь ли, это темные могут предаваться плотским утехам даже посреди толпы...

– А еще пить кровь младенцев, распутствовать с демонами, калечить ни в чем не повинных... – в тон дракону подхватила я. – Вот только сейчас кого-то сделал одноглазым ты, а не мерзопакостная ведьма.

– Это все влияние твоей меты, – тут же нашелся Гард.

Я зло глянула на крылатого, что стоял в наполовину разодранной рубашке посреди комнаты. Да уж. Вот он, классический образец светлого мага, который всем своим видом олицетворяет поговорку: добро должно быть с кулаками. Иначе как показать злу хороший кукиш?

– К тому же мы не крадем магию друг у друга, а уж знаки расы – тем более.

– Мы тоже не крадем. – я одернула юбку, да и в целом начала приводить себя в порядок. – Это шутка. Детская шутка.

– Хорошая такая шутка, стоившая моей семье половины сокровищницы.

– Да не брала я ничего у твоей сестры! – в сердцах воскликнула я.

– Я уже сам понял, что не брала, – злясь то ли на меня, то ли на себя, выдал дракон и повернулся к окну. – Думал, нашел того темного мерзавца, что украл мету у Бригит. А сейчас понял: разве считала бы ты медьки, выбирая жильё подешевле, да еще и с соглядатаями, если бы у тебя в гномьем банке было двести мешков полновесного золота...

– Сколько? – я поперхнулась и даже закашлялась.

Дракон, обернувшись на мой кашель, так и замер. Сначала я не поняла, в чем, собственно, дело. На меня смотрели, внимательно изучали, словно прикасались взглядом к щекам, губам, векам, гладили волосы. Потом взор пепельного спустился чуть ниже, к вырезу.

– Что? – я посмотрела исподлобья.

– Просто, пока тебя душил, не заметил, что ты, оказывается, не такая и страшная.

Тут я вспомнила, что имела неосторожность умыться, после того как попила воду из кувшина. Эликсир...

– Вот видишь, все хорошее видится на расстоянии. А если решишь вообще уйти отсюда, так я для тебя и вовсе писаной красавицей стану.

– Спасибо, меня и так твой вид устраивает, – заявил этот наглец.

Потом дракон задумчиво глянул на небо, которое сегодня было по-особенному звездным. Когда над осенним миром такие пляды, и к пифии ходить не надо, чтобы догадаться: ночь даже холодная.

Колокол пробил один раз, возвещая о том, что начался отсчет нового дня. Вроде бы простой звук, а мне нестерпимо захотелось спать. Как-никак минуло самое темное время ночи – пора соловьев, как ее именовали в деревнях. Когда колокол ударит три раза – начнет заниматься заря.

Веки закрывались сами собой. Выпроводить бы этого настырного дракона и лечь спать. Вот только крылатый визитер и сам широко зевнул, прикрыв рот ладонью. А затем шагнул к моей кровати и улегся на нее.

Он что, спать здесь собирается? Эту мысль я и озвучила.

– Твоей репутации уже ничто не повредит, – устраиваясь поудобнее, заявил дракон. – А я устал.

– Убью, – пообещала я.

– Тогда ты не получишь обратно свою мету, – мстительно процитировал дракон мои же слова и... снова зевнул.

У меня задергался глаз. Хотелось проклясть этого ящера с особой жестокостью. А если ведьма чего-то сильно хочет...

Я с наслаждением произнесла слова, и... Ничего не произошло. Ровным счетом ни-че-го!

Я прислушалась к себе. Глубоко внутри черный кокон моей темной силы все так же пульсировал, то уплотняясь, то вновь растекаясь туманом, но он был окружен со всех сторон светом. Белой магией, что пришла ко мне вместе с метой дракона. Я чуть не взвыла.

Недотемный дракон уже всю дрых. Захотелось отпинать его как следует, вернуть немедленно мой плющ обратно, но на это просто не было сил. Я дошла до постели и, толкнув наглого узурпатора локтем, легла рядом. Думала, засну вмиг, но, будто назло, вертелась и никак не могла шагнуть в царство сновидений... Впрочем, в моей бессоннице не было ничего удивительного. Ведь зло никогда не дремлет. И я начала строить планы мести... Не заметила, как мои веки потяжелели. Я таки уплыла в дрему.

Зато утро началось с громогласного крика. Орала моя квартирная хозяйка, причем голосила так, будто высшего демона на своей кухне увидела.

Глава 3

– Прокляну старую гримзу, – простонала я, силясь открыть глаза.

Ветхая на вид и на поверку здоровая как лось карга наконец-то замолчала.

Я попыталась откинуть одеяло, все еще пребывая скорее в обители сновидений, нежели в реальности, но отчего-то вместо ткани мои пальцы нащупали запястье. Широкое, жилистое и явно мужское.

Сон слетел мигом. Я распахнула глаза, рывком села на постели. Потом еще для верности помотала головой, искренне надеясь, что это просто галлюцинация. Увы, надежда не подтвердилась: слишком уж у моего бреда был реальный вид.

На моей постели дрых дракон, осененный лучами восходящего солнца и перьями из дырявой с одного бока подушки. Ну как дрых. До вопля квартирной хозяйки именно этим он и занимался. А сейчас, сонно сощуриив глаза, с интересом разглядывал меня.

– Я мало что помню о проведенной ночи, но могу точно сказать одно: у меня отменный вкус. Твоя мордашка симпатична даже поутру. – он широко зевнул, а потом до него стало что-то доходить. Иначе с чего бы вдруг лоб дракона разрезала вертикальная морщина, а взгляд из рассеянного вдруг превратился в ледяной?

Но не поддеть этого самоуверенного женолюбца я просто не смогла:

– О да, прошлой ночью ты меня впечатлил. Я бы даже сказала, сразил наповал. Целых два раза.

О том, что при этом мы катались по полу, сцепившись как кошка с собакой, Гард, полагаю, уже вспомнил.

– Языкастая зараза, – недобро сощурившись, ответил дракон, что развалился на моей постели.

– А то! Но вам, темным, к этому не привыкать. – я прошлась по свежей мозоли пепельного. Напомнила, так сказать, о том, что он теперь обладатель плюща, а не мелкого лазурного прожорливого чудовища.

Кстати, о метях... Новой, драконистой, по ощущениям сейчас на мне не было. Зашарила по телу, ощупывая себя.

Все это я проделывала под новый виток воплей квартирной хозяйки и ехидные комментарии Гарда.

– Да-да... Вот так. – он пытался перекричать голосистую старуху, но получалось лишь отчасти. – Не успеешь оглянуться, а у тебя уже и нет твоей меты...

Я по привычке прошептала в адрес хозяйки мелкое проклятие. На этот раз из разряда «да чтоб ты молчуна проглотила!».

Буквально скатившись с кровати, я помчалась вон из комнаты вниз. Пока неслась по лестнице, раз десять успела пожалеть, что сейчас мое чернословие нельзя подкрепить магическим посылом. Во всяком случае, временная потеря голоса старой каргой оказалась бы как нельзя кстати.

Я ворвалась на кухню, где квартирная хозяйка, вооружившись веником, сгоняла со стола мелкого лазурного дракона. Ящеренок не сдавался и отчаянно защищал свои владения: кринку со сметаной, ватрушку и кофейник. Он верещал не хуже старой выдры, плевался огнем, а иногда даже взлетал и норовил атаковать.

Не сказать чтобы попытки его наступления были совсем уж безуспешны: у хозяйки оказалась напрочь сожжена одна бровь, платье на груди радовало взор горелыми проплешинами, и из ее шевелюры кто-то явно выдрал пару клоков волос.

Ух ты! Я и не знала, что лазурный может быть таким опасным противником. Но все же мелкого надо было выручать. Карга тоже не дремала, и веник нет-нет да и с силой ударял по

тому месту, где миг назад сидел дракоша. Пока ящеренку удавалось уклоняться, но однажды удача и проворство могли ему изменить.

– Не трогайте бедную животинку!

На мой крик обернулись оба: и хозяйка и ящеренок. Причем если первая удивленно, то второй – исключительно обиженно. Похоже, мелкому боевому дракону было крайне обидно оказаться «животинкой».

– Так это твоя пакость, распутница? – взъярилась хозяйка.

Я еще раз окинула старую перечницу взглядом. Ее вид откровенно меня радовал. Жаль, что вчера фингал достался не ей. Зато сегодня поутру дракоша слегка поработал над бровью и прической карги...

– Не пакость, а мета. – я подошла и взяла лазурного на ладони.

– Да мне плевать, мета или еще какая дрянь... Но ведет себя этот выродок крылатый как сущий выкидыш бездны. Платить за погром, им учиненный, ты будешь?

Похоже, старая брюзга понятия не имела о метах. Да и о магах она, как я успела выяснить, знала не много. Она даже не подозревала, что у нее квартирует чародейка.

Когда я искала крышу над головой, то все хозяева не хотели пускать юную магичку на порог. Поэтому в очередной раз, постучав в дверь, я скормила сказку, что учусь на переписчицу свитков. Моя гримза (а слушательницей оказалась именно она) поверила. Одарила меня тогда взглядом торговца на невольничьем рынке, да и пустила к себе в комнату. О том, что имеется еще и смотровое окошко в стене, я узнала в тот же вечер. Но съезжать из-под крыши, за которую уже отдала кровные, было жалко: навряд ли хозяйка вернула бы отданные ей монеты.

Сейчас я смотрела на потрепанный вид тетки, в глазах которой плескалась ненависть, и точно знала, чем я буду заниматься в ближайший удар колокола.

Собирать вещи.

– Развратница, вертихвостка, паскудница! – между тем эта выдра начала входить в раж. – Мало того что хахаля своего притащила сюда, ко мне, старой Марте, благочестивой и честной горожанке, так еще и всяких тварей разводишь... У-у-у, блудница!

Она замахнулась веником, чтобы огреть то ли меня, то ли дракошу, но в этот миг на пороге кухни появился предмет моего разврата собственной персоной.

– Если вам, уважаемая, так завидно, то милости прошу присоединиться. Меня не только на малышку Ви хватит.

Хозяйка поперхнулась вздохом. Похоже, таких откровенных предложений поучаствовать в оргии, да еще от такого красавчика, ей слышать ни разу не доводилось. У меня на миг даже мелькнула мысль, что гримза откинёт веник в сторону и заявит, что она готова к экспериментам. Но нет, кошелка поняла, что над ней откровенно издеваются, и заорала:

– Ах ты, паразит! Залез к честной женщине в дом, всю ночь блудил и непотребством занимался, а сейчас еще и язык чешешь. Вот вызову стражей...

– Лучше сразу дознавателей из Сдобного квартала, – нагло усмехнулся Гардрик, облокотившись о косяк.

Конечно, в стольном граде Йонль были и официальные названия кварталов, но чаще всего они использовались в указах и документах. В народе же прижились Сдобный, Ситный, Ржаной, Корки, Лебеда... по тому хлебу, который ело большинство обитателей того или иного квартала.

Квартирная хозяйка, услышав такое наглое заявление, насторожилась.

– Это с чего мне сдобников-то тревожить? Чай, не аристократы какие тут собрались... – она осеклась на полуслове, увидев, как Гард небрежно почесал отросшую за ночь щетину.

Родовой массивный перстень с немалым таким сапфиром на пальце пепельного явно свидетельствовал об обратном. Таки перед старухой как раз этот самый аристократ и есть.

А дальше я удостоилась еще одного злобного взгляда. Ну да, нашла крайнюю.

– Чтобы к ночи и духу твоего тут не было! – наконец нашлась гримза. – Мало того что блудница, так еще и демонюку своего... – она ткнула корявым пальцем в ящерека, – ...при-тащила.

Мне захотелось проклясть ее от души и с чувством. Но я вспомнила, как вчерашняя попытка чернословия с треском провалилась, когда я хотела пожелать всего «хорошего» спящему Гарду, и... закрыла рот.

Что ж, черной ведьме сделать пробоину в водопроводе тяжелее, чем насрать приступ ревматизма, но вполне по силам. А покидать дом старой гримзы просто так, не оставив ей на память тройку-другую подарочков, я не собиралась.

Я фыркнула, развернулась на пятках и гордо вышла из кухни, по дороге толкнув стоявшего в дверях пепельного. Поднималась по лестнице, зло топая и костеря про себя и Гарда, и хозяйку, и ящерека. Мелкий крылатик, не подозревая о моих думах, с ладони взобрался ко мне на плечо и начал что-то радостно верещать.

– Из-за тебя нас выселяют, – повернув голову к воинственному дракоше, процедила я.

Нет, конечно, меня бы так и так выперли, после того как Гард вчера обезглавил застеночного любителя подглядывать. Но я надеялась, что хотя бы повод карга будет искать пару дней. А тут...

Я решила не тянуть до вечера и собрала свои нехитрые пожитки. Вышло две котомки и сумка. В том, что я не успела обжиться, были и свои плюсы.

За тем, как я молчаливо пакую вещи, наблюдал Гард. Он вернулся в комнату и встал у стены, не говоря ни слова.

Когда я закончила и распрямилась, утерев выступивший пот рукавом, наглый недодракон зевнул, демонстративно скрестил руки на груди и спросил:

– И куда теперь?

– Ты еще тут, нечисть? – я была сама деликатность и вежливость.

– Кто из нас двоих большая нечисть, еще вопрос, – парировал Гард.

– А ты пожелай чего-нибудь от души. Например, гримзе, которая чуть не пришибла твоего лазурного.

Ящеренок, сидевший у меня на плече, встрепенулся и что-то воинственно проверещал. Видимо, вспомнил недавний тяжкий бой за обладание ватрушкой.

– Издеваешься? – подозрительно, с прищуром глядя на меня, уточнил пепельный.

– Ничуть. Только темное племя способно простое пожелание превратить в проклятие. Вот и пожелай. Сразу узнаешь, на какой ты сейчас стороне.

– Да чтоб ты провалились, зараза языкастая, – в сердцах выдал дракон. – Ерничать – это твой врожденный талант? Или ты специально трениров...

Договорить он не успел. Одна из досок скрипучего старого пола треснула подо мною, я вскрикнула, теряя равновесие, и тут соседка уже сломанной половицы решила последовать славному примеру товарки.

Я полетела вниз, следуя искренним пожеланиям дракона. Проваливалась с чувством и полной самоотдачей, так сказать. Мета не иначе как с испугу сочла за лучшее нырнуть ко мне в ворот, а там и слиться с кожей.

Лишь в последний момент сильная рука ухватила меня за запястье. Я так и замерла, ощущая на себе все прелести подвешенного положения. Мои ноги болтались на первом этаже, голова пока была на уровне пола второго.

– Не умеешь проклинать, не берись, – пропыхла я.

– Я всего лишь следовал твоему совету, – вытягивая меня, как барсука из норы, возвестил Гард.

Снизу донесся запоздалый крик:

– Мой сон ожил!

Нет, конечно, я знала, что подо мною снимает комнату почтенное семейство: прыщавый юноша, его дородная мамаша и затюканный, вечно горбящийся отец. Интересно, кто из двоих Дредноутов – отец или сын – испустил этот клич счастья при виде голых девичьих ножек?

– Ах ты, старый потаскун! – звук звонкой оплеухи и сопроводивший ее комментарий свидетельствовали, что о дармовых молодухах, падающих сверху, грезил господин Дредноут-старший. – Чего радостно пялишься? Не видишь, у соседей пол проломился... Я всегда говорила, что этот клоповник не стоит тех денег, что мы за него платим. Если даже под той чахоточной доски трескаются, то подо мной, честной женщиной в расцвете сил, и подавно могут! А хозяйка дерет за свой сарай почти как за элитные номера!

Гард вытянул меня споро. Едва оказавшись целиком на втором этаже, я заглянула вниз, свесившись. Помотала головой, пытаюсь избавиться от волос, что закрывали мне все лицо.

– Прошу прощения за беспокойство, госпожа Дредноут. – я натянула на губы самую милую улыбку.

Только что эта внушительная дама, чьи объемы приводили в восторг продавцов тканей, подала мне отличную идею. Нет для слуха ведьмы ничего приятнее, чем звуки свары. А рьяный спор постоялицы и квартирной хозяйки за лишнюю медьку-другую – чем не повод?

– Вивьенка, ты там сама-то еще живая? – задрал голову, бесхитростно спросила запасливая на калории дама.

То, как она бесцеремонно обращалась ко всем, меня порою коробило, но бесило другое. Госпожа Дредноут присматривалась ко мне как к потенциальной невесте для своего сынка и сочла, что такая бедная храмовая мышь – лишь запасной вариант для запасного варианта.

По ее мнению, основным моим достоинством была внешность. Да-да, та самая, серая и невзрачная. Дескать, я буду ее сыночку Цимпреиусу верной супругой: кто особо позарится на такую красотку?

Но сейчас соседка увидела меня в истинном облике и поменялась в лице.

– Это ты что ж так подурнела, деточка? Красавицей же была... Неужто за столичной модой погналась?

Я решила поддержать заблуждение матроны:

– Ага, гламуреей умылась. Нравится?

– Отвратительно и распутно. Без нее тебе было лучше.

– И я считаю, что без эликсира было лучше, – в нашу милую соседскую беседу вмешался

Гард. Он тоже свесил голову в образовавшуюся дыру и с интересом изучал комнату соседей. – Здравствуйте.

Под конец дракон проявил чудеса вежливости, вспомнив о том, что сначала принято здороваться. В этот момент открылась дверь и вошел младший член семейства Дредноутов – Цимпреиус. Самым претенциозным и величественным в юноше с тощей цыплячьей шеей было его имя.

– Мам, я принес... – вошедший осекся, уставившись на дыру в потолке, из которой торчали две головы.

– Доброе утро, госпожа Вивьен.

Сосед, в отличие от Гарда, о воспитании не забыл. А потом он рассмотрел мое лицо и замер. Даже корзину с овощами, что принес с рынка, выронил. Его отец и вовсе после затрепщины, которую выписала ему дражайшая супруга, был нем как рыба.

Определенно надо умыться эликсиром, и побыстрее. Но сначала довершить начатое – подбить дородную даму на скандал.

– Доброе утро, Цимпреиус, – как ни в чем не бывало зашебетала я. – А я к вам в гости почти завалилась. А все оттого, что полы не к бездне! Чуть шею себе не свернула, и если бы не братец... – кивок в сторону Гарда, – то точно бы убилась. Правда, за эту комнату я заплатила всего пару медек...

Дракон был озадачен приобретением «сестрички». Даже хмыкнул по этому поводу.

– Не умеешь делать гадости, так не мешай другим и учись, – шикнула я так, чтобы услышал лишь пепельный.

Мои слова про пару медек достигли цели. Матушка Цимпреиуса задумалась. Логично, раз я за такую развалюху плачу такие деньги, то чем они хуже?

Чую, сегодня все постояльцы старухи повалят к ней толпой, сбивая цену за постой... И ведь не с руки объяснять карге, что цена была бросовой лишь потому, что комната смотровая, а жиличка в ней – молодая особа.

– Это ваш брат? – Младшего Дредноута, в отличие от матери, волновал вопрос отнюдь не цен на жилье.

– Да, это гад... в смысле Гардрик, – представила я дракона.

– Сводный, – тут же открестился от прямого родства пепельный.

Тут я решила, что дружескую соседскую беседу пора сворачивать, и распрощалась, оставив озадаченным семейство Дредноутов.

Утро определенно обещало интересный день.

Я одернула платье, в котором ночевала, достала из сумки эликсир, умылась, подхватила свои вещи и уже собиралась выйти из комнаты мимо все это молча созерцавшего Гарда, когда меня бесцеремонно схватили за локоть.

– За сегодняшнее утро я понял одно: черные маги – чокнутые. Я все ждал, когда ты сама заговоришь о наших метах, но... Ты ничего не хочешь объяснить?

– Полегче о темных, ты теперь один из них.

– Прокляну.

Я проскрежетала зубами. Этот гад быстро освоился с темным наследием! Хорошо хоть больше душить меня не пытался. Видимо, понял, что темная ведьма податлива силе, как ртуть: не только в тиски ее не возьмешь, но и имеешь неплохие шансы ухудшить свое здоровье.

– Ты не слышал о такой форме уважения, как дистанция? – Я взглянула на наглеца исподлобья.

– С радостью буду уважать тебя за сотню полетов стрелы. Только верни мне дракона.

Я поставила сумки на пол. Ведь не отвяжется.

Лазурный, будто дразня хозяина, решил, что прогулялся сегодня уже достаточно, и, прильнув к моей шее, просто слился, превратившись в цветную татуировку под мочкой уха.

– Твоего дракона все равно до ближайшего полнолуния не вернуть. Так что успокойся и отпусти меня.

– А после полнолуния? – упрямо спросил драконистый гад.

– А после полнолуния будет мой доклад на тему: «Руническое письмо на коже мага как элемент защиты от темных чар на примере тела покойного архимага Эмпатыра Медная Кирка»...

– При чем здесь это? – не понял пепельный.

– Ну хотя бы при том, что теперь я смогу написать его. А то плющ мешал мне войти в усыпальницу при храме...

Я мстительно усмехнулась. Как говорится, в каждой гадости есть толика радости, а при должной смекалке – еще и сундук выгоды.

Дракон после моего заявления побагровел. Я могла поклясться своим любимым чугунным котелком, в котором варила зелья, что сейчас, когда Гарда переполняли эмоции, его словарный запас сузился до трех слов.

– Убью! – прошипел ящер.

«Не угадала», – поняла я. Не до трех. До одного. Зато даже цензурного.

– И потеряешь возможность стать драконом обратно. – я выдрала свой локоть из его хватки и потянулась за упавшими на пол сумками.

– Выкручусь как-нибудь, – мрачно возразил Гард.

– Не сможешь, – авторитетно заявила я и пояснила: – опыта для этого маловато.

Меня смерили уничтожающим взглядом.

Мы так и стояли в дверях, когда с улицы донесся колокольный перезвон.

Ну вот. На первое занятие по общей истории магии я опоздала. А все из-за некоторых!

Поправила на плече ремень от сумки, покрепче перехватила поклажу, что была в руках, и уже занесла ногу, чтобы шагнуть в коридор, когда Гард, процедив сквозь зубы: «Ну все, с меня хватит!», – просто перекинул меня через плечо.

Я заорала и попыталась лягнуть его побольнее. Потом – цапнуть за плечо. Правда, свою поклажу так и не выпустила.

– Руки убери, сволочь белобрыся!

– И не подумай, – невозмутимо заявил дракон, подходя к окну.

Я извивалась не хуже гадюки, сучила ногами и даже пару раз умудрилась заехать лбом этому наглецу по пояснице. Гард, держа меня словно в стальных тисках, влез на подоконник.

– Что ты делаешь? – я попыталась извернуться.

– Вору, – буднично ответил ящер. – Поступаю в лучших традициях своих далеких предков. Правда, ты, увы, не принцесса...

– Да и ты теперь не дракон, – попыталась возразить я.

– Ну, это с какой стороны посмотреть... – задумчиво начал Гард. – Меты у меня теперь нет. Зато остались инстинкты.

Не дожидаясь моего следующего вопроса, он оглушительно свистнул, подзывая свою летную метлу.

Я замерла вниз головой, на плече у этого ненормального. Пульс стучал в ушах, дышать удавалось через раз, а я лихорадочно пыталась вспомнить, что знаю о драконах и об их инстинкте увлакивать к себе в пещеру. Мешанина из баек, от многократно целомудренных принцесс до вкусного обеда, привела к тому, что у меня непроизвольно вырвалось:

– Я невкусная и бревно.

– Э-э... мм... – озадачился ящер, уже готовый спрыгнуть с подоконника. – Меня, конечно, радует, что ты трезво оцениваешь свою внешность, но зачем мне эти ценные сведения?

Какой же дуб этот дракон! Пришлось пояснить:

– Черных ведьм есть опасно. В нас слишком много желчи, а она вызывает язву желудка. Поэтому жрать меня не стоит. А про бревно... Я в постели оно самое, так что для драконьего употребления не годюсь вовсе...

Думала, что после такого ящер выпустит меня обратно. Но этот гад... захохотал. Нет, не так. Заржал.

А потом, хлопнув меня по той части тела, которая у ведьм любит притягивать к себе приключения, осведомился:

– Мне сейчас даже интересно стало, какой вариант событий для тебя лучше? Ну, чтобы я тебя съел или чтобы надругался?

«Никакой», – мысленно ответила я. Но, исключительно чтобы позлить дракона, ляпнула:

– Ведьмы – народ неунывающий. Для нас любой исход событий в итоге получается оптимистичным.

– И что хорошего в том, чтобы тебя съели? – заинтересованно спросил пепельный гад.

– Ну, раз съели, то наверняка отравятся. И одним драконом в мире станет меньше. А это тоже неплохо, – заверила я.

А потом заорала.

Причина, почему я взяла столь высокие ноты, была проста, как медька: Гард прыгнул-таки на свою метелку, оттолкнувшись от подоконника.

Миг полета – и меня ощутимо тряхнуло.

– Верни, где взял, – заголосила я, когда увидела, как резко удаляется от меня земля.

Если этот псих меня сейчас уронит, то от одной ведьмочки останется только размашистая подпись на брусчатке. Причем чернилами в ней будет моя совсем не черная, а вполне себе рубиновая кровь.

– Отпустить, говоришь? – провокационно протянул Гард и... разжал руку, заложив крутой вираж.

Я же сделала неожиданное открытие: если дракон пытается скинуть ведьму в полете, то у последней резко возрастает хватательная активность. Боясь разбиться, я буквально руками и ногами обвила тело Гарда. От последнего дракон не на шутку напрягся. Аж весь закаменел. А потом чуть сиплым голосом предупредил:

– Я сейчас в штопор уйду.

– Ты даже не представляешь, как темные умеют крепко обнимать, – заверила я.

– Ты хотела сказать, душить в объятиях? – дракон задрал черен метлы вверх, а потом и вовсе, как обещал, ушел в штопор.

Правда, перед этим все же сумел отодрать меня от себя и скинуть. Я вместе со всеми своими вещами полетела вниз.

В голове лишь мелькнула мысль: сволочь!

Ветер свистел в ушах и буквально обдирает лицо, меня крутило так, что небо и земля менялись местами – полная дезориентация.

И посреди этого хаоса – резкий рывок, от которого ткань моего платья затрещала, разрываясь. На миг из легких напрочь выбило воздух, а уши заложило. Потому крик Гарда я услышала не сразу:

– ...аная, брось свои сумки!

Я замотала головой. Мое. Умирать буду, а холстину, где не только учебные свитки, но и бабкин гримуар, не брошу. Платья, ботинки пусть летят на землю, а вот бабулин подарок – ни-ни.

Меня встряхнули за шкурку, как котенка. Я лишь крепче прижала к груди сумку со свитками, выпустив-таки остальные свои пожитки.

Отстраненно проследила, как вещи пикируют к земле. Вот не выдержали завязки торбы, и в небе флагом начало алеть бордовое платье. За ним перистыми облаками закружились панталоны и чулки...

Я висела, инстинктивно поджимая под себя ноги. Оторвав взгляд от своего уже бывшего имущества, с ненавистью взглянула на Гарда.

Он сидел верхом на метле и ухмылялся.

– Ну как, летим дальше вниз или... – дракон многозначительно замолчал.

– Или что? – не выдержала я спустя три десятка ударов сердца.

– Или заключаем сделку.

Как я посмотрю, этот пепельный – прирожденный дипломат: умел создавать выгодную для переговоров обстановку и добиваться согласия, даже если изначально оппонент был всеми конечностями против.

– Какую сделку? – тоном ведьмы, привязанной к столбу на костре, спросила я.

– Ты помогаешь мне найти ту сволочь, что оставила мою сестру без меты, возвращаешь мне моего дракона и проваливаешь из столицы.

– Бросай, – честно ответила я, прекрасно понимая, что если уйду из академии, то жить мне недолго. Стражи мрака наверняка уже совсем близко.

Куда моим палачам вход был заказан, так это в храмы, в казармы, где обитают боевые маги, и, собственно, в столичную чародейскую академию. В остальных местах защита от выходцев бездны была не столь сильной. Обретаться среди пары сотен боевых магов в военном

лагере или тем паче в качестве храмовой служки черной ведьме было слегка проблематично. Да даже то, что я училась в академии, напшигованной драконами и прочими светлыми, уже было сродни самоубийству. Но так у меня был хотя бы призрачный шанс переждать три года и выжить...

А вот случись мне встретить стражей мрака, шансов остаться на этом свете не было ни одного. Год... Всего год, и будет новая жатва. Выберут другую юную ведьму, и тогда моя жизнь будет уже в относительной безопасности.

Пока же мне светил жертвенный алтарь и семь ночей агонии. Краткий полет до земли в качестве альтернативы казни, уготованной мне моими палачами, был более чем привлекателен.

Увы, Гард не знал о том, что я выбираю не между жизнью и смертью, а между способами отправиться к праотцам. Потому недоверчиво переспросил:

– Бросить?

– Да, – прошипела. – Мне без академии все равно жизнь не мила.

Дракон от удивления присвистнул:

– Не знал, что у темных такая тяга к знаниям.

– Ага, мы больше жизни учиться любим, – поддакнула я и мстительно добавила: – И ты, кстати, теперь тоже.

Гард проскрежетал зубами, сделал глубокий вдох, пытаясь усмирить злость. Фигово у него получилось, я скажу, драконьи клыки все равно убрать не сумел. Они так и радовали мир, когда дракон заговорил:

– Хор-р-рошо. Раз тебе так приспичило учиться, оставайся в академии. Но мету вернешь...

– Я и с сестрой могу помочь разобраться, – перебила я. Гард не успел еще обрадоваться моей покладистости, как я присовокупила: – за разумную плату, разумеется.

– Ты еще со мной торгуешься? – поразился дракон.

– Ну... – я ухмыльнулась, – торг всегда уместен, пока клиент жив.

– Звучит прямо как девиз некромантского ордена.

– Почему девиз? – возмутилась я. – Это цитата из свода правил. Между прочим, я тоже эту книжищу штудировала. Ее зубрят все ведьмы и черные алхимики, если желают получить лицензию на свою деятельность.

– Даже знать не хочу, какие там остальные правила и предписания в этом вашем своде, – с каменной мордой лица парировал Гард.

Тоже мне чистоплюй в сотом поколении. А у меня, между прочим, даже вещей никаких по его милости не осталось. Вот теперь пусть и платит мне за помощь. К тому же слова «ведьма» и «безвозмездно» всегда были антагонистами.

Судя по тому, каким взглядом на меня смотрели, Гард тоже познал сию лингвистическую аксиому. И смирился.

– Сколько?

– Десять золотых, и ты будешь знать не только имя этого вора, но даже то, где он сейчас находится.

Я очень старалась не продешевить, но, судя по ухмылке наглого ящера и тому, как он быстро согласился, – нужно было просить минимум сотню. Хотя на самом-то деле отследить похитителя меты было так же просто, как и эту мету своровать. Вот только оба заклинания были исключительно чернокнижные...

Лишь когда Гард усадил меня к себе на метлу и мы сговорились о деталях сделки, я вспомнила, что теперь черного источника сил лишена.

– Га-а-ардрик, – протянула я, крепко вцепившись в черен метелки. Так, на всякий случай. – У нас с тобой маленькая проблема.

– Какая? – подозрительно спросил дракон, уже подлетая к городской площади.

– Колдовать, чтобы найти вора, придется тебе. Потому как черный маг из нас двоих сейчас ты. Ну или подожди с месяц, пока луна обернется.

– Ведьма! – взвыл ящер.

– Чем и горжусь, – парировала я.

В гробовом молчании мы приземлились рядом с площадью.

Едва спешили с метлы, как Гард кивнул на одну из вывесок. «Светлый рыцарь», – гласила надпись. Странное название для трактира. Вот «Золотой фазан» или «Девять с половиной сосисок» – это я понимаю. Сразу ясно: здесь будет вкусно, сытно и мясно. А паладин навевал лишь мысли о каннибализме.

Зато оно было абсолютно в духе светлых: звучное, возвышенное и абсолютно не отражающее низменной тревогоднической сути.

Но так или иначе, а есть мне хотелось. Причем жутко. Гарду, как я подозревала, тоже. Мы вошли в трактир. Утро – не то время, когда в заведении тьма народу. Хотя треть столиков была занята.

Я осмотрелась. Хм... Как по мне, это скорее не таверна, а кофейня. Столы с льняными скатертями, вместо лавок стулья, под потолком – магические светильники. Даже подавальщица – и та в белом переднике.

– Доброе утро, господин Гардрик, вам, как обычно? – сияя улыбкой, спросила подошедшая красавица.

– Да. – дракон ответил столь же лучезарной улыбкой. – И кофе для моей знакомой.

Тут только подавальщица обратила на меня внимание.

– Лучше принесите сразу кофейник на двоих. И мне то же самое, что и господину Гардрику.

По большому счету мне было все равно, что принесут. Лишь бы была возможность поменяться тарелками с драконом, ибо красавица в переднике смерила меня таким взглядом, после которого клиенту обычно плюют в еду. А я хотела хотя бы поесть нормально... Ага, размечталась, наивная...

Глава 4

Первые пару мгновений мы сидели за столом молча. Я рассматривала стены, на которых тут и там красовались бутафорские щиты и мечи. Газовые рожки, стилизованные под факелы, были выключены. Подозреваю, что вечером, когда на улице стемнеет, их зажгут, по стенам заплывут тени, и трактир вправду чем-то будет напоминать трапезную старинного замка. Во всяком случае, деревянные мечи, покрытые серебристой краской, в полутьме могут вполне сойти за настоящие. За обернутые фольгой деревянные щиты уже не ручаюсь.

Пока я разглядывала убранство «Светлого рыцаря», один совсем не рыцарь, хоть и светлый, беззастенчиво рассматривал меня. Дракон не просто созерцал ведьму, что сидела напротив. По ощущениям, он просто-таки составлял мой словесный портрет. Подробный. С грифом «Разыскивается. Особо опасна». Специально для дознавателей.

– Зачем тебе эликсир для умывания? – наконец спросил он.

– Мне так больше нравится, – выдала я универсальный женский ответ.

Дракон лишь хмыкнул, побарабанил пальцами по столешнице и неожиданно произнес:

– Ты меняешь личину, втерлась в доверие к старику Блеквуду так, что он даже принял тебя за свою... От кого ты скрываешься?

Хорошо, что я сидела.

– Ты даже их знаешь. Это веселые жизнерадостные ребята, которые всегда рады поделиться теплом и радостью от встречи с ведьмой. Теплом костра и радостно светящими в тебя боевыми пульсарами. В общем, милые позитивные люди и нелюди – светлые маги.

– Врешь, – уверенно припечатал Гард. – Если бы от нашей братии скрывалась, то в академию бы не сунулась. Значит, бежишь от своих же. Как раз за последний месяц участились стычки с темными на границе. И не только там...

– Слушай, у нас с тобой уговор только на отлов вора, который стянул мету твоей ненаглядной сестрички. Все. К тому же ты мне должен десять золотых.

– Уже?

– Ведьмы работают по предоплате.

– Ты уже не ведьма.

– Ну да, у нас теперь темный – это ты. Вот и ищи вора сам, раз такой талантливый... А я с драконом твоим пока освоюсь.

Лазурный, словно почувяв, что заговорили о нем, проснулся и пополз по шее, щекоча кожу. Гард, увидевший собственную мету, замолчал.

Вскоре подавальщица принесла нам заказанное. Нет, я подозревала, что драконистая растущая особь мужского пола должна есть много. Но не думала, что это «есть» подразумевает «жрать».

Перед нами выставили два салата, два омлета, пару стейков, прожаренных до состояния «почти угольки», четыре тарелки с запеченным картофелем, кофе и пирожные с вишенками. Десерт меня добил. Как-то не вязался образ сурового дракона со взбитыми сливками.

Когда подавальщица, одарив Гарда еще одной сияющей улыбкой, ушла, дракон невозмутимо прокомментировал:

– А сейчас принесут твою порцию.

Я сглотнула:

– То есть это все тебе? Ты издеваешься?

– Ты сама попросила себе такой же завтрак. И да, я откровенно издеваюсь.

Вот теперь мне захотелось треснуть ящеристого гада. Но в животе заурчало, напоминая, что война войной, а про завтрак забывать не следует.

Неожиданно у меня проснулся драконий аппетит. Но, прежде чем начать есть, я поменяла наши с Гардом тарелки местами. Как выяснилось чуть позже – не зря. Дохлый таракан оказался спрятан аккурат под вишенкой в пирожном, которое услужливая девица выставила передо мной.

Пока же я уминала салат, Гард от меня не отставал, но при этом успевал еще и ехидничать:

– Ты не переживай, это легкий завтрак... Обычно к обеду, после тренировки, мой дракон прямо-таки звереет, и есть хочется до жути.

Я закашлялась.

– В смысле?

– В прямом. Как ты думаешь, откуда при обращении берется здоровенная драконья туша из тщедушного человеческого тела? Ее нужно «наесть» до инициации.

– Издеваешься? – с подозрением уточнила я, обеими руками придвинув горшочек с картошкой.

– Ничуть. – Дракон был сама серьезность. – Просто предупреждаю. А то вы, девицы, на диетах и талиях повернутые бываете. Так вот, про фигуру можешь забыть. Пока с тобой моя мета, придется питаться не так, как ты хочешь, а как у будущей ипостаси аппетит проснется. Мой лазурный – тот еще проглот.

– Я не такая, как твои знакомые девицы, – уверенно заявила я и впилась зубами в стейк. Вкусный, кстати, и сочный.

– А какая же? – с интересом спросил дракон.

– Я ем и не полнею, у меня этот... ускоренный метаболизм, – выдала я, забыв уточнить, что меценатами усиленного обмена веществ являются каверзы, которые моя темная суть просто требует устраивать. А уж сколько энергии тратится на их воплощение – и не счесть. Потому-таки да: я ем и не полнею.

– Ну, теперь мне понятно, как вычислить ведьму: надо просто попытаться откормить ее. Та, что не наест бока, и есть темная.

– Хм... Интересная идея, – ободрила я Гарда, наливая себе кофе. – Не хочешь провести эксперимент? Например, прокорм... в смысле откормить одну знакомую тебе ведьму, – выдала я, уже мысленно подсчитывая, сколько таким макарон можно сэкономить на питании за месяц с учетом того, что лазурный оказался дюже прожорливым.

– Тебя, что ли? – подозрительно уточнил ящер, нацеливаясь на пирожное.

– Ну да, – постаралась очаровательно улыбнуться, забыв, что я «в гриме».

Лицо одного из посетителей трактира, который в этот момент посмотрел на меня, перекосило. М-да... Подозреваю, что сейчас моя застенчиво скалящаяся мина для неподготовленного человека могла быть не намного симпатичнее, чем решивший пококетничать свежий труп.

Гард держался намного мужественнее. Видать, сказывался опыт общения с нежитью, которой на практике у боевых магов имелось с избытком.

– Даже не надейся. Это теперь твой дракон. Вот и корми его сама.

– Жлоб.

– Пройдоха.

– Кстати, так или иначе, но за этот завтрак все равно платишь ты. Так что можно сказать, что эксперимент уже начался.

– С чего это я? – возмутился Гард. – За тебя и не подумаю, обжора.

– Платишь, – мстительно заверила я. – По праву благородного лэра, пригласившего даму.

– Не вижу здесь... – дракон так и не договорил, кого именно он не видит: в моем лице даму или же в своем – благородного лэра...

А все потому, что на его зубах захрустел таракан.

Дракон с задумчивым видом хрумкнул еще раз. Его челюсти замерли, а потом на свет с изяществом сплюнутой шелухи от семечки явился пожеванный рыжий трупик...

Я ехидно заметила:

– Нет, я, конечно, слышала, что драконы едят рыцарей, но не думала, что до инициации они тренируются на тараканах.

– Знала? – припомнив, как я меняла тарелки, уточнил ящер.

– Предполагала, – скромно уточнила я. – Видишь ли, твоя поклонница смирила меня таким взглядом, что если бы она не попробовала подстроить мне какую-нибудь пакость, то согрешила бы против своей природы.

Дракон с интересом посмотрел на тараканий труп, а потом четким, холодным, полным скрытой угрозы голосом потребовал управляющего.

Вот как у Гарда это получилось? Вроде и не кричал, не бросался титулами, но при том заставлял себя не только слушать, но и слышать, а тем паче исполнять свои требования.

Управляющий прилетел к нам в буквальном смысле на крыльях: он был из сиринов – полуптиц-полулюдей. Его небольшое свиное тело с вполне себе человеческой головой, хоть и небольшой, было еще ничего, но вот голос... Такое ощущение, что сирины были специально созданы светлыми, чтобы своим криком изводить черных ведьм.

Впрочем, этот был сама любезность. Он приземлился на спинку свободного стула, сложил крылья и растекся медовым голосом:

– Господину Гардрику что-то не понравилось?

– Да, – ящер был краток и вместо тысячи слов просто предъявил труп.

Пока – таракана. Но сдаётся мне, что управляющему было недалеко до шестилапного усача. Я не без удовольствия отметила, как дракон чуть морщится при общении с сирином. Видимо, плющ давал о себе знать. Переговоры длились недолго. Сирин извинялся, ухал, поптичьи закатывая глаза, и кивал, словно силясь проглотить стыд...

А я умилялась, наблюдая, как Гард виртуозно выбивает не только бесплатный завтрак, нами уже съеденный, но и чуть ли не месяц халявных трапез в трактире в счет морального урона его драконьей персоны. Нет, все же плющ на этого светлого положительно влияет. Хотя... Может, наглость и коммерческая предприимчивость не чужды и драконам?

Мне даже стало интересно. А вот лазурному – скучно. Иначе с чего мелкий удрал с моей шеи и устроил себе ванну прямо в моей чашке кофе.

Оттуда я его вытащила за хвост под изумленный клекот управляющего. Мелкий верещал, сопротивлялся и был крайне недоволен, что его выудили из сладкого и теплого напитка.

– М-да... Дракспрессо у вас тоже так себе, – прокомментировала я. – У меня, между прочим, в чашке был настоящий дракон, а не жалкий таракан. Так что парой бесплатных бутербродов вы не отделаетесь, господин управляющий.

Сирин, видя такой произвол, решил, что нервов его на это уже истрачено изрядно, и притворился обморочным, закатив глаза и свесив голову набок. Упасть не упал, как и всякая спящая птица на ветке. Везет. Даже башкой об пол биться не пришлось, чтобы уйти от ответа.

– Пережала, – отстраненно прокомментировал дракон. – Тебе никто не говорил, что у сиринов тонкая душевная организация?

– Ага, то-то ты в эту тонкую и душевную чуть ли не гвозди забивал, торгуясь, как заправский гном.

– Мне просто стало интересно, во сколько завтраков он оценит оплошность своего лучшего повара...

– Не подавальщицы? – хитро прищурилась я.

– Ингрид перестаралась... Приносить таракана даже не моей новой девушке, а просто случайной... – тут он замялся, подбирая слово.

Я воспользовалась моментом:

– И сколько вы встречались?

– Один раз.

– Горизонтально? – уточнила я.

– Конечно. Я всегда добиваюсь своего сразу, без захода на второй круг.

Управляющий все так же старательно изображал обморок, подавальщица маячила у стойки, боясь подойти, лазурный недовольно фыркал и вытирал лапки о скатерть.

А я призадумалась.

– Слушай, ты лучше сразу сообщи, с кем успел переспать, чтобы я знала, от кого ожидать таракана в десерте, от кого – ненавидящего взгляда, а от какой ревнивицы и пульсара в глаз.

– С твоим нынешним видом... Извини, Вивьен, но ты себе льстишь. Ингрид просто до жути ревнивая. И я бы не заходил сюда, если бы здесь не готовили так вкусно.

– И тараканисто, – не преминула напомнить я.

– Все-таки ты язва.

– Ага, хроническая, – подтвердила я. – Чем и горжусь.

Ревнивица Ингрид навела меня на интересные мысли... Прибыльные, я бы сказала. Но потом мое внимание переключилось на дракона. Слишком он был сейчас спокоен, собран, внимателен...

– Ты специально привел меня именно сюда. Ты ожидал чего-то подобного? – осенило меня.

– Конечно, – невозмутимо подтвердил ящер.

– Зачем? – я изогнула бровь.

– Допустим, мне захотелось узнать: может ли ведьма учуять замышляемую против нее пакость? Ну или считай, что я, как твой наниматель, проверял тебя на профпригодность.

Я печенкой чуяла, что Гард чего-то недоговаривает, а то и откровенно врет. Но где именно и в чем – не могла понять.

– Наниматель... Когда будет аванс?

– А когда ты сможешь начать поиски?

Я прикинула, что пару дней мне все же потребуется для полного восстановления.

Условились на послезавтра. После чего я требовательно протянула руку за оговоренными золотыми.

Дракон с видом сиротинушки, у которого отнимают последнее, отсчитал мне желтые кругляши и, прежде чем отдать, требовал еще и стандартную магическую клятву между заказчиком и исполнителем. Ну, я и произнесла. Мне не жалко. Все равно я знала около двух дюжин условно законных способов ее обойти.

Засим мы и распрощались. мы уже поднимались из-за стола, как эта жадина – не иначе от случившегося враз временного помутнения рассудка! – оставил на столе целый сребр. Несмотря на то что с управляющим они уже условились, что этот завтрак для нас бесплатный.

На мой вопрос: «А зачем же ты тогда довел до нервной икоты сирина?» – Гард лишь загадочно улыбнулся и обронил что-то про оттачивание исконных драконьих навыков. Да уж. Видимо, ни демона я не смыслю в загадочной ящеристой психологии.

Когда я оставила позади площадь, а вместе с нею и чем-то довольного Гарда, прозвучал колокол. Десять ударов. Если я потороплюсь, то еще успею на практикум по стационарной защите. Я поспешила к шпилью, где швартовались общественные лодки. Нужная подошла почти сразу же. И улыбочивый усатый маг даже махнул на меня рукой, не став требовать платы за пролет у единственной пассажирки. Дескать, у него сегодня праздник: теща уехала обратно к себе домой. И он решил отблагодарить небеса, сделав благое дело.

И почему такое везение меня не насторожило? Если задуманное начинает получаться быстро и легко, то это верный признак того, что впереди в засаде окопались крупные неприятности.

В академию я успела вовремя и в зал вошла вместе с остальными адептами. Стационарная защита – не боевая подготовка, где носишься по полигону с полной выкладкой, но и, сидя за партой, ее не изучишь. Потому плетения мы осваивали в зале, где мягкие стены, а пол устлан матами, смягчающими удар.

Преподаватель Аэрин Ромирэль вошел в зал, чуть прихрамывая. Этот полуэльф, по моему, не имел ни одного «достоинства» и состоял сплошь из «недостатков». Ну, сами посудите: благородный, честный, возвышенный, сдержанный и терпеливый. Даже когда адепты совершали серьезные промахи, он лишь сводил брови и выразительно молчал, не попрекая не то что словом – жестом.

К тому же Ромирэль – герой битвы семи холмов, когда было подавлено восстание предгорной нечисти. Он был отмечен самим императором. Ну как отмечен... Повесили на грудь пурпурную ленту – символ исключительной воинской отваги и доблести. А вот о том, чтобы благородному, но нищему полукровке, пожаловать земли пару деревенок, светлейший правитель не позаботился. Или попросту замотил.

Сам Ромирэль был слишком глу... гордый, чтобы просить вместо ленточки чего-то посущественнее. Но тем не менее безземельный полуэльф, несмотря на свою малопривлекательность с финансовой точки зрения, не имел отбоя от поклонниц.

Юным девам, в отличие от их прозорливых и хватких на богатых женихов матушек, было плевать, что маг не имел за душой ничего. Они охотились за самим Ромирэлем. Некоторые только ради него и пошли учиться (причем платно!) на факультет защиты от темных сил.

Увы, он таких порывов не ценил, а наоборот, сторонился. В чем-то я его понимала: нет страшнее существа, чем созревшая девица, возмнившая, что она в тебя влюблена, и ты обязан составить ее семейное счастье. Таковых оказалось изрядно. И нервы они портили полуэльфу регулярно.

По слухам, ему и так от жизни досталось: папаша, как и все эльфы, не обремененный инстинктом заботы о потомстве, скинул своего бастарда, принесенного к воротам его особняка, на служанок. А когда Ромирэлю исполнилось тринадцать зим – и вовсе выгнал того из дому со словами, что по людским меркам он уже вполне взрослый.

Оставшись без средств к существованию, полуэльф встал перед выбором: идти в армию или в воры. Выбрал третий путь: в Академию. Самое удивительное, что он сумел поступить. Причем на бесплатное отделение боевого факультета. Вот только долг магистерии отдавать пришлось дольше, чем было условлено в договоре.

Сначала служба в приграничье, потом нашествие предгорной нежити, сражения, в которых полуэльф подрастерял последние юношеские иллюзии и здоровье, зато в тридцать лет обзавелся сединой, ранними морщинами и хромотой.

Но это его ничуть не портило. Скорее, наоборот, придавало остроухому загадочности. И вот сейчас боевой маг решил отойти от военного прошлого и стать наставником в академии... Наивный. Единственным плюсом в преподавательском деле было то, что платили здесь чуть больше, чем офицеру гарнизона. Во всем остальном были сплошные минусы: ни головы адептам оторвать (а вот разгулявшейся приграничной нежити – за милую душу), ни послать куда подальше надоедливых адептов (солдат – всегда пожалуйста), ни выматериться от души (хотя, подозреваю, что и в бытность офицером полуэльф не склонял никого во все корки, слишком уж сдержанный.)

В общем, вот такой нам достался преподаватель по стационарной защите. Умный, сдержанный и благородный, мать его за ногу.

Я осмотрелась. Сегодня у нас было спаренное занятие с эмпаатами – исключительно женской группой. Отчего-то дар слышать чувства раскрывался в основном у девушек.

Мои сокурсники расправляли плечи, радостно скалились и всячески демонстрировали себя с самой симпатичной стороны. Увы, напрасно. Большинство будущих магесс во все глаза смотрели лишь на статного красавца – полуэльфа.

– Добрый день, адепты, – прокатился по залу голос Ромирэля. – Сегодня изучаем плетение защиты Нордеа. Поэтому разбейтесь на пары.

Я нашла взглядом Корнелиуса. Друг беззастенчиво лыбился какой-то девице с потока эмпатов. И ладно бы перемигивался, так он еще и целеустремленно двинулся к ней... Напарничек...

Я попала в пару со здоровяком Ронни. С этим адептом у нас, мягко говоря, отношения не заладились. Он происходил из богатой, но неблагородной семьи. Презирал нищих, то есть тех, кто не в состоянии потратить на один обед в столовой магистериима золотой. В то же время истинные аристократы сторонились выскочек и в свой круг не пускали.

Боров Ронни смерил меня полным презрения взглядом и фыркнул:

– Готовься превратиться в отбивную, Блеквуд. Я тебя размажу, приبلудная бродяжка.

У нас с этим золотым дубом, чье обучение папочка не только оплачивал, но и проплачивал в личный ректорский карман, были крепкие взаимные чувства. Я его тоже любила до печеночных коллик.

Между тем преподаватель начал объяснять принцип построения защиты. Оказалось, что плетение Нордеа представляет собой не сплошной щит, а подобие трехслойной ячеистой структуры, под которой находится поглотитель.

Сначала поток атакующего разрезали ребра крупных сот, которые и являлись первым рубежом обороны. Потом уже рассеченные лучи проходили через более мелкие соты и, наконец, дробились в самых маленьких. Остатки впитывались в сферу-накопитель самого мага. Накопитель представлял собой вращающееся веретено, которое наматывало на свою ось рассеченные сотами пучки энергии.

Защита казалась сложной в исполнении, но имела неоспоримый плюс: даже небольшого потенциала среднего мага хватало, чтобы ее создать. Ведь это не сплошной щит без единой бреши, на поддержание которого уходит прорва сил. Ребра требовали в разы меньше энергии.

Поначалу мы тренировались, создавая первичную, вторичную и третичную сети. Потом учились запускать ось, чтобы она накручивала на себя остаточные потоки и экранировала нас, защитников, от шлейфового излучения.

Когда Ромирэль убедился, что абсолютно все усвоили теорию, мы перешли к практике.

Толстяк Ронни выразительно размял пальцы. Я приготовилась. Сейчас атаковал он. Я должна была защищаться. Противник создал пульсар. Да не абы какой, а пятого уровня, воспользовавшись тем, что полуэльф отвернулся и нас не видит.

А ведь Ромирэль строго приказал: не выше третьего. Да, похоже, мой противник решил, пользуясь возможностью, размазать меня. Я уже мысленно приготовилась пробороздить копчиком маты, но, как ни странно, защита устояла. Лишь спин завертелся бешеным волчком, впитывая в себя излишки энергии.

Зато вымораживающий голос полуэльфа слышали все. Он не кричал и не использовал заклинание усиления звука, но военный опыт под половик не спрячешь.

– Адепт Роннин Мастус, кто дал вам право использовать заклинание пятого порядка?

Боров струхнул. Он-то надеялся, что его выходку не заметят. Откормленные розовые щеки дрогнули и начали стремительно бледнеть.

– Еще одно такое нарушение, и я буду вынужден доложить ректору о том, что вы, адепт, не можете контролировать свою силу. Желаете пройти проверку на стабильность?

Ронни затрясся. Я бы на его месте тоже струхнула. Конечно, говорят, что комиссия не ошибается, но даже если так... Когда совет магов должен решить, стабилен ли твой дар и не заблокировать ли его от греха подальше, – это, мягко говоря, не вдохновляет.

Преподаватель больше не сказал борову ни слова. Лишь бросил остальным притихшим адептам:

– Продолжаем.

Больше убийственных пульсаров в меня не летало, и я слегка расслабилась. А потом мы поменялись местами.

– Атакуем, – прозвучала команда.

Не стала создавать ни ледяных игл, ни фаерболов. Занятие уже близилось к концу, и я, лишь бы отвязаться, запустила в Ронни просто сырой силой.

Сырой. Не оформленной в матрицу заклинания. Вот только я не учла, что после обмена метами светлый дар во мне усилился. Я вкладывала всего три единицы магического потенциала. Но как они сумели превратиться в тридцать, причем за сотую долю мига, – ума не приложу. тем не менее в Ронни сейчас летел поток убийственной силы.

Волна чистой энергии смяла первый и второй контуры, как бумагу. В моем воспаленном мозгу мелькнула мысль: «Я его убила!»

Всегда выдержанный и спокойный полуэльф враз изменился в лице и с нечеловеческой скоростью в последнее мгновение метнул «штормовой вал» – мощнейшее заклинание, что сметает все на своем пути. Сложное в исполнении, требующее невероятной выдержки, концентрации и жрущее чуть ли не сто единиц потенциала, оно имело одно неоспоримое преимущество: долетало до противника в кратчайший миг. Вот и сейчас матрица «вала», врезавшись в мой поток боковым тараном, сумела его сместить.

Ронни, побледнев, не нашел ничего лучше, как потерять сознание. Хотя... Когда рядом с тобой в каменной стене появляется основательная вмятина, это вполне себе повод изобразить, что «сил моих дамских на вас больше нет» и грохнуться без чувств.

Пал боров в оглушительном молчании вмиг замерших от шока адептов, а вот потом... Нет, Ромирэль не выругался, он просто употребил все средства языка с целью более точного выражения своих эмоций.

После его пламенной короткой речи, суть которой сводилась к тому, что адептка Блеквуд слегка не в себе, тишина вокруг стала прямо-таки гробовой. Я даже прониклась... Представила собственную могилку, припорошенную первым снегом... А потом до меня дошло: непогрешимый, всегда сдержанный Ромирэль впервые на моей памяти вышел из себя. Да как. Сейчас взглядом полуэльфа можно было не просто убивать, а препарировать заживо.

– Занятие окончено. Адептка Блеквуд, за мной!

После такого категоричного заявления мне не оставалось ничего иного, как последовать за преподавателем. Мысленно я уже прикидывала, лапшу какой длины нужно намотать на его уши, когда магистр вдруг остановился и махнул рукой на дверь своего кабинета.

Небольшая комната с единственным окном, выходившим на хозяйственные постройки, в которой каким-то чудом умещались стол, шкаф и пара стульев, – вот то место, где последние полгода магистр Ромирэль работал над теоретическими выкладками своей диссертации.

Мягко говоря – скромно.

Ромирэль, указав мне на один из стульев, сам сел на второй. Между нами оказалась поверхность стола, и я почувствовала себя как на экзамене.

Мысленно помянула демонов сотого круга бездны и открыла рот для вполне сносной лжи о тонирующем эликсире, которого перебрала. Ну да, это была та еще дурманящая гадость, и магам ее вроде как принимать запрещалось, но... Лучше быть слегка опороченной адепткой, чем честной разоблаченной черной ведьмой.

Я набрала побольше воздуха в грудь, дабы озвучит свою ложь, но полуэльф выстрелил в меня, словно из арбалета, одной короткой фразой:

– У вас вчера случилась полная инициация?

Я подавилась вдохом. Ну нельзя же так! А как же деликатность, приватность и прочие атавизмы мужского благородства?

Сглотнула и залилась румянцем. Так. На всякий случай. Последний жутко не хотел проявляться на щеках, пришлось прогнать галопом в воображении самые пикантные сцены, припудрив их разгулявшейся ведьмовской фантазией.

Словесно я не спешила ни подтверждать, ни опровергать предположение магистра. Полуэльф продолжил:

– Не надо так смущаться, в этом нет ничего постыдного. Да, способ не самый целомудренный, и у магесс шансы в подобном случае повысить свой уровень не столь велики... Именно поэтому рекомендуется не провоцировать инициацию, а дожидаться, пока мета созреет сама. Но в вашем случае, Блеквуд, я вижу весьма впечатляющий результат. На сырой силе и такой поток... Думаю, измеритель потенциала покажет, что дар не ниже шестого уровня...

Я кусала губы. Вроде как для смущения. А на деле – чтобы скрыть истинные эмоции.

Инициация – процесс полного слияния меты с телом хозяина – происходил по-разному. Первый вариант – это «созревание», как метко выразился полуэльф. Когда ничто и никто извне не влияет на хозяина. Второй – шоковый, под действием нервных потрясений. И третий – при полном соприкосновении аур. Причем одна должна быть обязательно уже инициированного сильного мага. Именно его аура встряхивает еще не до конца сформированную ауру юного мага и либо заставляет мету инициироваться, либо просто подавляет ее. Второе – чаще. Особенно с магичками.

Поэтому совет чародеев ныне даже рассматривал закон о наказании за «растление» юных магов сильными, уже давно инициированными.

Я лишь усмехнулась про себя: светлые моралисты.

Все же мне не понять их логики. Белые чародеи вещали о целомудрии и совращении, при этом закрывая глаза, когда еще не инициированные адепты посещали увеселительные дома, а адептки делали аборт. Это считалось целомудрием. Потому что неинициированные спали с простыми, лишенными дара. Ну или же с такими же, как они сами, не вошедшими в полную силу...

Пока полуэльф говорил, я прикинула, чем мне может грозить его заблуждение. С одной стороны, имелся неоспоримый плюс: не нужно лгать и изворачиваться. И даже нагоняя я, кажется, не получу... Но с другой – мету через месяц придется вернуть, и как я объясню, что дар у меня вновь скатился до единицы?

В общем, я поняла, что каяться в употреблении запрещенного эликсира все же придется. Хорошо еще ни слова в подтверждение теории полуэльфа не сказала. А мой румянец смущения, который Ромирэль принял за утвердительный ответ на свой вопрос... Так жарко в комнате очень, а я с испугу и вообще... Может, мне стыдно, что я в Ронни промазала!

– Блеквуд, а вы знаете, что в команде турнира Четырех стихий должно быть шесть игроков, из которых минимум две адептки? – ни с того ни с сего спросил полуэльф.

– Нет, – прищурилась я, кажется, сообразив, куда он клонит.

– Уже да, – магистр оказался категоричен.

Побарабанив пальцами по столешнице, этот ушлый тип (а ведь строил из себя такого благородного!) добавил:

– Я, конечно, не одобряю выбранного вами способа, но это мое личное мнение. Пока же я вижу перед собой предприимчивую, амбициозную и рисковую особу. А именно такие мне как тренеру в команде и нужны.

– А если я не захочу столь почетной участи, как отбивная на арене турнира?

Я не утверждала, скорее осторожно прощупывала почву. Увы, улизнуть не удалось.

– Тогда я вынужден буду подать рапорт о случившемся. Думаю, ректор не упустит возможности протащить вас через комиссию и исключить. Я слышал, он не очень доволен тем, что пришлось вас зачислить.

– Шантаж? – уже без обиняков спросила я.

– Я всего лишь честно открыл перед вами свои карты, – усмехнулся полуэльф.

Вот тут я поверила, что передо мной военный, служивший в приграничье. В хищной усмешке Ромирэля не было сейчас ничего возвышенного и рыцарского. Передо мной сидел стратег и тактик, добивающийся победы любым способом. Впервые закралась мысль: а так ли благородно-безземелен этот полукровка? И миф о том, что он оказался отмечен лишь пурпурной лентой, покрылся слоем пыли.

– Итак, я жду вашего решения, Блеквуд.

Я размышляла. Если сойду про дурман, то мне грозит объяснительная и штраф за ремонт стены зала. Но ректор вполне может ухватиться за произошедшее как за повод выпереть меня из академии.

Если упрюсь и откажу ушастому – комиссия.

Команда же, защищающая честь магистерии на турнире, – почти неприкасаемые. Этот месяц меня не тронут, а там и случай с моим всплеском силы забудется... Главное, на арене аккуратно подставиться под удар, чтобы потом можно было объяснить, отчего мой уровень вдруг вновь стал единичкой.

Но это – потом. Сейчас на повестке дня – чтобы лазурный, который вновь ожил, не вылез на шею или лицо... Неудобно будет. В анкете у меня в качестве меты заявлена пятиконечная звезда – символ светлых магов-универсалов.

Я чувствовала, как дракоша ползет по груди, пробираясь к краю ворота. Еще немного – и его лазурная морда высунется над воротничком.

Захлопала себя по груди, изображая приступ кашля, и решила:

– Вам, магистр, никто не говорил, что вы умеете убеждать?

– Много раз. Причем темные маги, когда мы вели переговоры в приграничье.

Что же я сразу не поняла, отчего ты такой подкованный в вопросе интриг? Я чуть не взвыла с досады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.